

РЫБЬЯ КРОВЬ

ЕВГЕНИЙ
ТАГАНОВ

СКВОЗЬ ВЕКА

RED

Рыбья Кровь

Евгений Таганов

Рыбья Кровь

«Редакция Eksmo Digital»

2008

Таганов Е. И.

Рыбья Кровь / Е. И. Таганов — «Редакция Eksmo Digital»,
2008 — (Рыбья Кровь)

ISBN 978-5-04-155551-1

VIII век. Верховья Дона, глухое селище в непроходимых лесах. Юный Дарник по прозвищу Рыбья Кровь, покинув родную землянку, отправляется в большую жизнь. Первая смертельная схватка, первая женщина, первое понимание, как можно управлять другими людьми. Пытливый ум и дерзость помогают ему не только стать воеводой, не знающим поражений, но и замахнуться на собственное княжество. Словом, стать человеком, который сделал себя сам, только в реалиях Темных веков. Комментарий Редакции: Эта книга – увлекательное приключение по чертогам потерянных локаций, которое погружает в иные реалии и дарит возможность настоящего путешествия во времени.

ISBN 978-5-04-155551-1

© Таганов Е. И., 2008
© Редакция Eksmo Digital, 2008

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений Таганов

Рыбья Кровь

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В оформлении использованы фотографии:

© Zeferli, PeterHermesFurian / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Часть первая

1

В VIII веке нашей эры междуречье Днепра и Дона было самым безопасным местом на Среднерусской возвышенности. Дорогами служили реки, а в междуречье они превращались в жалкие ручейки, и ладьи купцов и охотников за рабами, не доходя до самых истоков, поворачивали обратно. Близость Дикого Поля здесь также не сказывалась, дремучие леса с буреломами не давали проходу ни конному, ни пешему. Это действительно был островок безопасности, где жили те, кто предпочитал скудное, лишенное приключений и красивых вещей существование превратностям жизни на людных перекрестках.

Обитателей этих мест называли запрудниками, так как они часто создавали на своих речках и тропинках запруды и завалы, чтобы никто не мог к ним добраться. Связь с внешним миром происходила или с появлением редких странников, которых запрудники, случалось, убивали, дабы их место жительства не стало известно, или, когда в роду вырастали строптивые неуживчивые сыновья. Вооружившись охотничьими рогатинами, секирами и деревянными щитами, они сбивались в малые ватаги и лесными тропами уходили в сторону больших городов. Участь их была незавидна, вооруженные, но неумелые, храбрые, но простодушные они становились ратным мясом, часто даже не доживая до первого сражения – более опытные гриди оттачивали на них свое мастерство в учебных поединках. Иной раз юным запрудникам везло – их продавали в рабство и тогда они могли побывать в дальних заморских странах, хотя из таких путешествий домой мог вернуться один из ста, а то и из тысячи.

Жили запрудники малыми селищами, состоявшими из пятнадцати-двадцати полуземлянок, окруженных общим плетнем. Таким же плетнем или завалом из срубленных деревьев для защиты от кабанов и туров окружали они и свои маленькие поля, выжженные и расчищенные в лесной чаще. Никому не приходило в голову удобрять их навозом, поэтому поля постепенно оскудевали и тогда селище переносили в другое место. Но случалось это, когда урожая уже совсем не было, потому что хлеб, каши и овощи были скорее лакомством, чем основной едой. Главную пищу составляли лесные дары: дичь, рыба, мед, грибы, орехи, да молоко полудиких коров и коз. Обилие всего этого не требовало от запрудников напряженных усилий и изобретательности, а отсутствие больших запросов приводило их к вялому, угрюмому существованию. Живостью и веселостью отличались лишь дети и подростки, однако и они к двадцати годам превращались в медлительных, ленивых взрослых, которым уже не требовалось ни развлечения, ни новых занятий. Грубая сварливость служила им заменой чувств, а мелочная зависть – умственной деятельности. Даже верования и песни у запрудников были такие же унылые и апатичные, как они сами.

Вершиной жизни у них считались ухаживания и свадьбы, когда молодежь разных селищ собиралась на лесные токовища, где парни, подобно тетеревам распускали свои хвосты, выказывая силу и ловкость в бескровных, как правило, состязаниях, а девушки делали свой выбор. Воспоминаний об этих днях хватало им потом на всю жизнь.

Твердых законов у запрудников тоже не было. Каждое селище представляло собой один большой род, где все решал его глава – староста, который разрешал среди семей своих братьев, сыновей и племянников любые склоки и назначал их по своему усмотрению на общие работы: расчистку леса, большую охоту, в пастухи и ночные сторожа.

Иногда, когда в селище становилось тесно, самый сильный сын рода отделялся со своей семьей, образуя собственное дворище, которое со временем при благоприятных условиях пре-

вращалось в самостоятельное селище. Лес кругом был немеренный, и всегда можно было найти место, где бы жилось по собственной воле.

Так однажды поступил Смуга Везучий, с двумя своими братьями выстроив селище Бежеть на берегу речушки с тем же названием. Везучим он считался потому, что дожил до преклонных лет и из шестнадцати его детей от трех жен десять уже сами создали большие семьи. Вернее, у девяти детей семьи были большие, и лишь у самой младшей Маланки имелся единственный сын Дарник.

Кто именно стал отцом ее ребенка на свадебных токовищах, Маланка так никому и не сказала. Только, смеясь, говорила, что у него была не такая рыбья кровь как у других парней. За это ее сына еще в малолетстве прозвали: Дарник Рыбья Кровь, не подозревая, какую оказывают ему тем самым услугу. Ведь нет имени, которого нельзя было бы прославить, а уничтожительное прозвище нуждается в прославлении с десятикратной силой. В те времена, как и сейчас, выдающиеся люди появлялись на свет порой в самых невзрачных семьях, где, казалось, ничто не могло способствовать их будущему взлету.

Сама Маланка среди родичей выделялась независимостью, язвительным языком и необычайной живостью. Никто никогда не видел ее сидящей без дела. Едва проснувшись, она тут же принималась за работу, причем помимо повседневных женских и мужских забот по хозяйству считала своей обязанностью прочесть хотя бы один из свитков, что хранились в сундуке, неисповедимым путем попавшим к Смуге Везучему и отданными за ненадобностью младшей дочери. Понятно, что даже когда в Бежеть удавалось заманить возможных женихов из двух соседних селищ, то они, несмотря на всю миловидность и домовитость Маланки, спешили убраться восвояси, страшась ее непомерной энергии и самомнения. По существующему обычаю, она могла стать по своему выбору второй женой кого-нибудь из исправных бежечан. Но такое ей не смел предлагать даже сам староста. Вот и жила вдвоем с сыном, лишь в редких случаях прибегая к помощи любимого брата Ухвата или своей подружки шептухи Вербы.

Пока Смуга Везучий был жив, все в селище более-менее шло своим чередом, даже вечное непослушание Маланки он умел укрощать. Но когда Дарнику исполнилось пять лет, Смуга погиб на охоте на тура и старостой селища стал средний брат Смуга Лысый. Лысый, потому что ничего особенно примечательного, кроме большой лысины за ним не числилось. Маланка прежде часто посмеивалась над своим незадачливым дядей, однако то, что было терпимо при Смуге Везучем, оказалось при Смуге Лысом под запретом. И однажды в самый разгар зимы Маланка запрягла в большие санки четырех собак, поставила на них с помощью брата Ухвата два сундука, набросала теплых шкур и одеял, и на глазах всего селища удалилась за две версты на Черный Камень в землянку недавно умершего колдуна Завея. Помогая собакам, Маланка сама подталкивала санки. Следом за ней, насупясь, что его оторвали от игр с двоюродными братьями, шел Дарник, стараясь попадать ногами в ее следы, так было легче идти.

Первая ночевка в сырой вымороженной землянке вышла весьма безрадостной: мерзлые валежины горели плохо, всю ночь их приходилось поправлять и раздувать. Хотя на похоронах Завея вместе с ним сожгли все его бубны и засушенные птичьи лапки, Маланка тут и там все равно наталкивалась на разные колдовские предметы, которые вызывали у нее боязливое содрогание. Успокаивало лишь ровное посапывание сына. Пристально глядя на него, она вдруг поняла, что отныне для его воспитания ей придется многое в себе изменить. Быть во сто крат осмотрительней и никогда не терять ровного бодрого настроения. Разве волчица объясняет волчонку, как ей трудно и что охота не удалась? Нет, она снова идет за добычей. И волчонок не благодарит ее за это, он просто растет. И чем больше и сочнее будет принесенное мясо, чем мудрей она научит его охотиться самого, тем более матерым волком он вырастет. Так думала Маланка, настраивая себя на новую жизнь.

Уже со следующего дня она взялась учить сына поддерживать в очаге огонь и словенской грамоте. Дарник никогда еще не видел пожара и объяснить ему то, чего он не видел, было

невозможно, поэтому она придумала нанести вокруг очага углем линии, за которые огонь не должен переступать. Это Дарник понял, но однажды все равно чуть не сжег землянку – ему хотелось узнать, сможет ли выбраться из очага огонь, если перестать его подкармливать поленями. Хорошо, что Маланка была поблизости и вовремя сумела потушить загоревшееся одеяло. Первый и единственный раз поколотила она в тот раз сына, вернее, попробовала поколотить, потому что натыкалась кистями рук на подставленные им локти, и большее от ударов было ей, а не ему. Да и не детская холодная ярость, полыхнувшая вдруг из глаз сына, заставила ее отступить.

С грамотой было легче. Восприняв буквы как некую игру, малыш быстро научился складывать их и разбирать составленные цепочки слов. Правда, научившись, тут же к чтению и охладел. Даже истории про подвиги богатырей были ему малоинтересны.

– А почему этот дракон плохой? – спрашивал он мать. – А маленькие дракончики у него были? А они перестали есть людей?

Шептуха Верба, которую Маланка иногда вызывала поговорить за околицу Бежети, лишь смеялась, слушая это.

– Я бы тоже хотела знать, перестали они есть людей или нет. Ни один мальчишка Бежети никогда бы так не спросил. А твой интересуется и очень хорошо.

Горячие внушения матери, что только грамотность может сделать его большим и сильным, разбивались о все то же упрямое нежелание сына верить тому, чего он не мог представить. Ну как какие-то крошечные закорючки на тонком пергаменте могут кого-то сделать большим и сильным? Стрелять из лука научат или владеть мечом? Маланка не знала, что и делать. Ведь один из сундуков, привезенных из Бежети, как раз и был сундуком со свитками Смуги Везучего, захваченным ею специально для Дарника.

Еще больше сын удивлял ее тем, что совершенно не боялся оставаться сумеречными зимними днями в землянке один. Возвращаясь уже затемно с осмотра ловушек, она нередко находила его мирно играющим со щепками и кусочками шкур или просто лежащим на топчане и погруженным в какие-то свои мысли. Ни слова жалобы или упрека. Напротив, часто она замечала недовольную гримасу, означавшую скорее: ну вот, чего так рано пришла?

Невдомек ей было, что, освободив сына от влияния грубых и недалеких родичей, она тем самым поменяла все его привычные ориентиры. Останься он в селище рядом со своими двоюродными и троюродными братьями и сестрами, детские открытия и прозрения были бы наверняка размыты насмешками сверстников и повелительными командами взрослых. Здесь же, на Черном Камне, новых впечатлений прибавлялось очень мало, поэтому должна была возникнуть какая-то их замена. Оставаясь в землянке один, он проплакал только первые два-три дня, а потом слезы высохли, и пошел поток собственных ответов на все те вопросы, на которые Дарнику должен был ответить кто-нибудь другой. Эти ответы были столь таинственно прекрасны, что любое реальное объяснение после них выглядело скучно и обыденно. Пятилетнему ребенку стало безумно интересно не *знать*, а *догадываться* об окружающей жизни.

Ведь на самом деле его мать вовсе не охотится в лесу на оленей, а встречается с доброй колдуньей, которая передает ей часть оленя для него, Дарника. Холод снаружи не оттого, что зима, а потому что он, Дарник, наказан за уход из Бежети. И это не мыши скребутся по углам, а другие маленькие дети, превращенные в мышей за плохие поступки. А если он, Дарник, будет постоянно думать о том, как стать большим и сильным, то он им никогда не станет, поэтому надо прятать свое желание далеко-далеко.

– Он какой-то у меня совсем чудной, – жаловалась Маланка Вербе. – Ничего ему не интересно. Как будто маленький старичок, а не ребенок.

– Ты делаешь все правильно, – успокаивала ее бездетная подруга. – Дети всегда подражают тем, кто рядом с ними. Просто в открытую подражать тебе, взрослой женщине, он не

хочет. И на охоту его с собой тоже не бери, а то он и охотиться не захочет. Пускай летом учится этому с другими мальчишками, не с тобой.

Маланка только вздыхала.

Правоту шептухи она осознала после нападения на их с сыном жилище медведя-шатуна. Привлеченный запахами живности, он среди бела дня, преодолев завал из срубленных деревьев, которым была окружена землянка, сунулся мордой в их единственное окошечко, затянутое бычьим пузырем и получил упреждающий укол рогатиной прямо в пасть. Но вместо того, чтобы отправиться за более легкой добычей, медведь попытался навалиться на дверь землянки, которая на такой случай имела надежную опору в виде толстой жерди, упертой в основание противоположной стены. Отставив рогатину, Маланка взялась за свой охотничий самострел и, улучив момент, когда медведь чуточку отступил, через щель в дверном проеме всадила ему в живот короткую стрелу-болт. Раненый зверь с бешеной яростью надел на землянку уже с крыши, и через дымовое отверстие получил второй болт в переднюю лапу. Дико взревев, он и одной лапой продолжал разгребать толстый слой мерзлого дерна. Оказаться посреди зимы с разрушенной крышей было смерти подобно, и Маланка высунувшись из землянки, бросила в медведя вилы. Потом еще дважды выскакивала за дверь: сперва метнула короткое копье-сулицу, которым добивала пойманных в ловушки зверей, а затем косой срезала косолапому часть здоровой лапы. Вышла и в четвертый раз, чтобы совсем добить его, но не устереглась и получила от агонизирующего исполина удар лапой по бедру.

В продолжение всей схватки Дарник спокойно сидел на сундуке, внимательно глядя то на мечущуюся по землянке мать, то на забившегося в угол их единственного оставшегося к тому времени кобелька. Только когда она с топором вышла к медведю, следом вышел и он, чтобы увидеть, как мать получает свою рану.

– Неужели тебе ни разу не было страшно? – спрашивала она его потом.

– Не знаю, – пожимал он плечами.

– А тебе меня хоть немного жалко? – не удержавшись, полюбопытствовала мать, перевязывая кровоточащее бедро.

Этого сын тоже не знал. Тогда-то и подумала Маланка, что у ее Дарника действительно рыбья кровь, раз нет ни нужного страха, ни обычной жалости. Не знала, что испуг пришел к Дарнику через два дня, когда, оставшись в землянке один, он заново пережил про себя всю сцену схватки. Слезы сами полились из глаз и дрожь долго сотрясала его маленькое тело.

Верб, которой Маланка рассказала о медведе и поведении сына, хорошо подумав, сказала, что, видимо, у него такой дар, всегда пугаться, когда другим не страшно, и проявлять бесстрашие там, где все будут дрожать как осиновый лист. А с помощью своей кажущейся бессердечности он просто отгоняет от себя злых духов, не позволяя им уязвить себя через других людей.

Маланка верила и не верила, но все же решила, что совсем отрывать сына от сверстников не стоит, и с наступлением теплой поры повела его в Бежеть к брату Ухвату или точнее к его трем сыновьям и пяти дочерям. Со Смугой Лысым она по-прежнему была в ссоре, но кто может запретить Дарнику играть со своими братьями и сестрами.

2

Первый же день в селище закончился для Дарника плачевно. Отвыкнув от присутствия людей, он после целого дня беготни и криков со своими братьями, а также от голосов взрослых и подростков так утомился, что за вечерней трапезой упал в обморок. Суждение родичей было однозначно: Маланка превратила своего сына в слабое нежизнеспособное существо.

Помимо плетня, которым были обнесены собственно полуземлянки селища, существовал еще внешний засечный круг из спиленных навалом деревьев – непреодолимая преграда,

как для крупных животных, так и для людей. Пройти через него можно было лишь тайными проходами, или по замерзшему руслу речушки, как сделала зимой Маланка со своими санками. Засечный круг представлял собой почти правильное кольцо диаметром в полторы версты, внутри которого находились все поля и выпасы Бежети и где даже маленькие дети находились в полной безопасности, поэтому никто за ними особо не приглядывал, строго запрещая только заходить за Засеку.

Все лето Дарник прожил в семье дяди, лишь изредка навещаемый матерью. Он больше не падал в обморок, наоборот был всегда бодр и здоров. Детвора Ухвата приняла его с радостью и любопытством, как принимают не опасного лесного зверька. Особенно великодушен был Сбых, старший из ухватичей. Несмотря на свои десять лет он уже предводительствовал над одной из трех детских бежецких ватаг. Взяв с первой минуты Рыбью Кровь под свое покровительство, он не давал его в обиду ни своим, ни чужим мальчишкам. Дарник платил за такую заботу всей преданностью, на какую был способен. Ходил за ним как привязанный, выполняя любую команду и жадно впитывал все, что исходило от старшего брата. Они так везде и ходили: три ухватича и один маланковец, будучи ядром ватаги из десяти ребят. Самый младший из всех Дарник ни в чем не хотел никому уступать. Бороться ли, кидать в цель камни, перепрыгивать лужи, карабкаться, кто выше на дерево, сталкивать друг друга с горки – везде тянулся за старшими.

Наблюдая за сыном со стороны и слушая рассказы о нем Вербы, Маланка не могла не нарадоваться, ей казалось, что сын «выправился».

Именно с этого времени для Дарника пошел единый и последовательный без больших провалов поток памяти, когда он точно помнил, как научился плавать, как подбил первого тетерева, как увидел тайну ночных отношений между мужчиной и женщиной. Вместе с братьями Дарник удил рыбу, пас свиней, нарезал ивовые прутья для корзин и воспринимал все это острее и ярче их, потому что уже знал, что после лета обязательно будет зима, когда он снова останется вдвоем с матерью в лесной землянке.

Довелось ему тем летом стать свидетелем и первых похорон. Вернее, при нем хоронили и раньше, но то были похороны взрослых, от утраты которых он не испытывал никаких особых чувств, мол, у взрослых своя жизнь, по своим законам, придумали умирать, значит так и надо. А тут впервые произошла смерть его ровесника, внука Смуги Лысого, который наевшись незнакомых лесных ягод, три дня болел животом и так и не выздоровел. Для Дарника это стало серьезным потрясением, оказывается, уже сейчас не следует рассчитывать на мать или братьев, а самому заботиться о себе. Много дней после похорон он провел в постоянной тревоге и напряжении, стараясь быть предельно осторожным. Позже страх постепенно прошел, тем не менее, за все свое детство он себе ничего не ломал и ни разу серьезно не поранился, чем выгодно отличался от других ребят, которые уже к отрочеству имели по несколько шрамов и переломов.

Осенью, когда Маланка забрала сына к себе, она обнаружила в нем разительные перемены. Если первую зимовку Дарник всю почти промолчал и пробездельничал, то сейчас рядом с ней находился деятельный и сосредоточенный мальчик-трудовичок. Даже когда он просто сидел, уставившись на пламя очага, и тогда ощущалось, как в нем происходит некая большая внутренняя работа. Приходя с охоты, Маланка нередко находила приготовленную еду, зашитые прорехи на рубахах, заготовленные лучины, наточенные наконечники стрел и сулиц.

– Откуда ты все это умеешь? – удивлялась мать.

Сын только смеялся в ответ, пряча хитрые глаза. Правда, когда она сама наказывала ему сделать то же самое, ничего не получалось – по чужой воле он делать ничего не хотел. Шептуха Верба могла быть довольна – все выходило, как она и предсказывала. Изумляло его равнодушие к еде и одежде. Когда она спрашивала тепло ли ему или вкусно, Дарник сердито отвечал:

– Разве сегодня кусок мяса может быть другой, чем вчера? Все время было в тулупе тепло, почему сегодня будет холодно?

Заново пришлось учить его грамоте, но теперь он вспомнил все за несколько дней, и уже сам стал копаться в свитках, выискивая истории про путешествия, решив, что когда вырастет, будет обязательно великим путником и обойдет все страны на свете. Среди свитков нашлось три или четыре карты с надписями на незнакомом языке, которые Маланка не могла объяснить, что нисколько не мешало Дарнику часами рассматривать их, воображая самые невероятные свои приключения.

Так у них с тех пор и повелось: летом он с братьями куролесил в Бежети, зимой сосредотачивался со свитками на Черном Камне.

В семь лет Дарник впервые узнал, что такое ватажная иерархия. Если прежде в ватаге Сбыха царило равенство и любые ссоры, и драки тут же забывались, то теперь даже самые незначительные стычки призваны были выстраивать всех членов ватаги в определенном порядке. Естественно, Рыбья Кровь после зимнего отсутствия ни к чему подобному не был готов, и первые же наскоки бывших сотоварищей стали для него неприятным сюрпризом. Сбых смотрел со стороны и не вмешивался, давая младшему брату возможность самому за себя постоять. Поняв, что помощи ждать не приходится, Дарник просто подтянул свои холщовые штаны и стал лезть во все столкновения по поводу и без повода. Для своих лет он был крупным ребенком, ловкости и силы ему тоже было не занимать, поэтому побеждал чаще, чем проигрывал и вскоре стал в ватаге вторым лицом, к вящему удовлетворению Сбыха. А когда в один прекрасный день Дарник тайно вывел ватагу за пределы Засеки к себе на Черный Камень, то его второе место в их детской стае стало неоспоримым и для самых ярых соперников.

Черный Камень представлял собой холм, поросший двухобхватными черными елями. Вся земля вокруг их с матерью землянки была покрыта столь толстым слоем опавших иголок, что через него не мог пробиться ни один росток привычного лесного подлеска. Даже в самую сильную бурю здесь всегда царила тишина, ничто не летало, не ползало, не двигалось. Благоговейный ужас сковал мальчишеские сердца и, видя их робость, Маланкин сын испытал истинное наслаждение оттого, что он сам ничего этого не боится. Так недостаток обособленной жизни обернулся неожиданным преимуществом.

Среди запугиваний взрослых, чтобы дети не ходили за Засеку, чаще всего повторялось слово «раб». По лесным просторам, мол, вокруг их селища бродят звероподобные охотники за рабами, которые схватят вас и навсегда увезут из родных мест. Там вас будут наказывать, плохо кормить, заставляя много работать и даже своей семьи не позволят создать. Слова, написанные в свитках, только подтверждали это. Но Дарнику, по свойственной ему уже тогда особенностям думать как-то по-своему, было жалко почему-то не рабов, а их хозяев – как они могут столько времени тратить на совсем чужих людей: следить за ними, заставляя что-то делать, наказывать – тут со скотиной не знаешь, как намучаешься, ежедневно заботясь о ней, а еще канителься с какими-то рабами. И вскоре слово «раб» стало у него ассоциироваться со всем неприятным, что пытается пристать и воздействовать на человека. Дабы победить это внешнее вторжение, он со временем выработал у себя привычку, когда что-то слишком сильно увлекало его, в самый восторженный момент упрямо встряхивать головой и говорить себе: «Я не раб этого» – и всякое наваждение тотчас исчезало, превращаясь в полное безразличие к тому, к чему минуту назад он рвался всей душой. Такое подчинение себе собственных страстей неизменно потом приносило Дарнику немалое удовлетворение, позволяя смотреть на крикливых, азартных и не сдержанных людей, как на существа низшего ранга.

Ощущение, что он не такой как другие, не только из-за жизни вне селища, а и по внутреннему своему складу уже начало постепенно осознаваться им. Привыкнув сперва думать, потом действовать, а затем еще и завершать это действие с каким-либо выводом для себя, он с трудом понимал своих сверстников, которые вдруг куда-то устремлялись, что-то делали и

тут же, забыв о сделанном, приступали к чему-то более привычному. Больше всего угнетала Дарника повторяемость одних и тех же мальчишеских проделок и безудержное веселье по их поводу. Все чаще, устав от галдежа сбыховцев, он отделялся от них и как настоящий путник мог часами тайно бродить вокруг селища, обращая внимание на окружающее не как член мальчишеской стаи, а будучи сам по себе.

Изучив все до последнего кустика внутри Засеки, он, чтобы испытать себя, повадился в одиночку отправляться из Бежети на Черный Камень и шататься там по лесу, часто даже не заходя в свою землянку. Узнав о таком «баловстве», Маланка не стала ругать сына, а просто велела всегда иметь при себе топорик и нож, которые он может, если стесняется, прятать возле селища.

– Разве я смогу победить ими медведя или рысь? – спросил он у матери.

– Все звери боятся человека с оружием.

– А откуда они знают, что это оружие, а не какие-то палки? Помнишь, того медведя зимой, он ведь ничего не боялся.

– Он тоже боялся, только был очень голодным.

– А почему все звери боятся людей?

– Потому что лишь от людей исходит дух убийства, даже когда они сыты.

Слова матери слегка разочаровали Дарника: оказывается, покушаться на его жизнь в лесу без крайней необходимости никто не собирается.

Тогда же им было сделано еще одно важное открытие: если сосредоточенно заниматься чем-то каждый день, а не от случая к случаю, то можно достигнуть самых невероятных результатов. Подсмотрев, как на Грибной Поляне старшие подростки соревнуются в метании в цель топоров и сулиц, он и себе соорудил за пределами Засеки похожую мишень и принялся подолгу ежедневно упражняться в таком же метании, добавив еще стрельбу из лука и бросание в цель ножа. И когда ватага Сбыха, повзрослев, тоже занялась метанием, он, всем на удивление, сразу стал первым среди них. Дарник понял, что опережать – значит, всегда выигрывать, и такой простой вывод навсегда определил большинство его поступков, побуждая изобретать что-то свое и идти непроторенными тропами.

Заметив, как от тяжелой работы у сверстников крепнут мышцы и вырабатывается выносливость, Дарник придумал себе «путь на деревьях» и продолжительное плаванье не поперек, а вдоль их небольшой речушки. Чтобы выработать у себя быстроту реакции, он ловил змей и дразнил их, ловко отдергивая в самый последний момент руки. Не имея напарника для поединка на деревянных мечях, он развешивал на деревьях десятки тяжелых чурок и, сильно раскачав, проделывал немислимые увертки и выпады, чтобы всех их победить и не получить сдачи.

Ребята из ватаги не могли ничего понять: как это так – лесной отшельник все умеет лучше их?

– Это потому, что он живет в колдовской землянке, – авторитетно объяснял Сбых.

Дарник не возражал. Смутно он чувствовал, что все, что с ним происходит, связано с самостоятельной и самодостаточной жизнью его матери, но как именно он понять не мог, говорить, что он сам себе все это придумал, тоже не хотелось, поэтому пусть лучше будет колдовская землянка.

Так уж совпало, что в Бежети в десятое дарникское лето произошла смена ребячьих поколений. Достигшие отроческого возраста подростки обоого пола отправились на далекий Сизый Луг возле селища Каменки жениться с соседскими девицами и парнями, а ватаги младших подростков заняли освободившееся место на Грибной Поляне в Засечном круге. Каждый завел себе бойцовские рукавицы, смастерил круглый щит, выстругал деревянный меч, и, уйдя подальше от родителей, приступил к настоящим боевым схваткам. Из трех детских

ватаг должна была сложиться одна, подростковая, со своей собственной иерархией, которой через два-три года самой суждено будет отправиться на Сизый Луг за невестами.

Все прежние заслуги здесь уже не имели значения, надо было добывать свое место в общем ряду по новой. Сначала Дарник смотрел на поединки лишь со стороны, прочитанные в свитках истории про большие сражения заставляли его относиться к подобному ребячеству со снисходительной усмешкой. Очнулся он от своего благодушия только, когда поверженным в одном из поединков оказался Сбых. Тут уже Дарнику стало не до шуток и, надев рукавицы, он тоже вышел в бойцовский круг. Еще во время детских стычек он научился наносить удары не только нижней и внутренней частью кулака, как дрались все мальчишки, а костяшками пальцев, из-за чего короткий прямой удар получался гораздо сильнее кругового беспорядочного замаха. Но прежде они старались не наносить удары в лицо, поэтому никто не обратил на его необычный прием внимание. Иное дело было теперь. Как следует разозлится, Дарник уже не жалел противников и от его прямых ударов в лицо они валились как пшеничные снопы, вытирая кровь из разбитых губ и носов.

– Рыбья Кровь! Рыба! Рыба! – обзывались побежденные, но Дарник лишь улыбался, относясь к своему уничижительному прозвищу как к заслуженной награде.

Никто в кулачном бою так и не смог победить его и, хотя верховодство на Грибной Поляне в конце концов захватил внук Смуги Лысого Верзила, Дарник со Сбыхом заняли в общей ватаге свое особое место. Никто не мог безнаказанно приказывать им что-либо или оскорблять.

Взрослые в Бежети по-прежнему не обращали внимания на Маланкиного сына, полагали, что он всего лишь слабая тень предприимчивого и удалого Сбыха. В заблуждение вводила внешняя сдержанность Дарника: не слышно было его крика, громкого смеха, запальчивого спора или хвастовства.

Есть люди, которым надо обязательно без помех как можно лучше вызреть, любое внешнее пренебрежение им во благо, любая недооценка в поощрение. Именно к таким людям принадлежал Дарник. Лишь только Маланка и Верба, истово молясь за него, «своего малыша», замечали, как с каждым годом он быстрее сверстников набирается сил, ума и самостоятельности.

Его приобщение к охоте тоже шло своим отдельным путем. Как Дарник ни старался, но почувствовать удовольствие от ватажных подкрадываний и загонов на мелкую дичь он так и не смог. Да и сам результат, когда только десятое подкрадывание и стрельба из лука оказывались успешным, безумно раздражал его. Поэтому в конце концов он предпочел заниматься охотой в одиночку и как бы мимоходом: гуляя по лесу, начинал тихо приближаться к оленям и диким козам, а когда те срывались с места, гордо шел дальше, мол, не очень-то и хотелось.

– У тебя еще недостаточно сил, чтобы охотиться одному, – говорила сыну Маланка.

– А когда будет достаточно? – с любопытством спрашивал Дарник.

– Когда натянешь мой самострел.

Ее охотничье оружие было самым простым, чтобы его натянуть, надо было наступить ногой на стремя и двумя руками изо всех сил тянуть тетиву до стопора. Пользуясь отсутствием матери, Дарник день за днем упражнялся в его натягивании и в конце концов добился своего.

– Натянуть самострел – это не все, надо из него еще и попасть, – заметила Маланка, не понимая, что коль скоро сын сумел натянуть самострел, то уж непременно и пострелял из него.

А когда Дарник показал, что лучше ее метает в цель также и сулицу, возразить было и вовсе нечего.

– Может, ты теперь станешь нашим главным добытчиком? – испытующе спросила она.

– У тебя это лучше получается, – схитрил сын. Его целью теперь были не олени, а большой медведь или тур, лишь после них он мог почувствовать себя настоящим охотником.

Еще Маланка сильно беспокоилась, что в погоне за дичью он может заблудиться в незнакомых местах, но сын не разделял ее страхов – все свои дальние походы он аккуратно отмечал

зарубками на деревьях и следил за временем, поэтому возвращался домой всегда засветло. Да и сама охота для него была скорее поводом разведать, что там дальше за очередным холмом или ручьем, чем значила что-то сама по себе. Мать своими ловушками всегда добывала дичь с запасом, чтобы обменивать ее излишки в селище на хлеб и молоко, и избалованный сын не спешил помогать ей в этом.

Однажды дядя Ухват взял его вместе со Сбыхом на охоту на вепря. И немало был поражен хладнокровием племянника.

– Мой Сбых белкой по всем елкам скакал, – рассказывал он потом Маланке, – а твой хоть бы что! Кабаниха мчит на нас, а он стоит на месте, будто так и надо. И спокойно мне вторую рогатину подает. Вот уж действительно, как человека назовешь, таким он и будет. Если Лысый его не съест, быть твоему Рыбьей Крови старостой Бежети.

– Ему бы еще, как твой Сбых, другими командовать научиться, – для приличия возразила Маланка.

– Умным будет – научиться, – серьезно рассудил Ухват.

Дарник прислушивался к их разговору вполуха – в его будущей жизни места для какой-то там Бежети уже не было. Гораздо больше его удивила просьба Сбыха не говорить никому из ребят о случившейся с ним, Сбыхом, промашке. Главное, понял для себя Рыбья Кровь, никогда не делать ничего такого, чтобы пришлось просить кого-то молчать об этом.

Впрочем, охота на опасного зверя не слишком понравилась Маланкиному сыну. Подвергать свою драгоценную жизнь смертельной опасности ради того, чтобы кто-то похвалил тебя и назвал молодцом, представлялось бессмысленным мальчишеством взрослых людей. Зачем, когда можно, как делала Маланка, устраивать себе на дереве безопасное гнездо и с него посылать разящие самостельные стрелы. Все должно само ложиться в протянутую руку, считал Дарник, а что не хотело ложиться, то он готов был презирать и отвергать. Еще один недостаток у охоты обнаружился, когда однажды ему удалось завалить крупного лося в пяти верстах от дома – вместо того, чтобы радоваться и гордиться, он проклял все на свете, разделявая тушу и сначала развешивая большие куски мяса на деревьях, а потом перетаскивая их на Черный Камень. Это уже выглядело, как полное издевательство над самим охотничьим везением. Определенно охота, также, как и терпеливая долгая рыбалка с удочкой были точно не для него.

А что тогда для него? Часто и настойчиво размышляя об этом, Дарник одно за другим перебирал занятия бежечан, которые ему нравились. Ловко плотничать, сооружая землянки и хлева для скотины? Но тут в одиночку не обойдешься, а, следовательно, всегда будет зависимость от другого человека... Плавить в горне железо и ковать его? Хорошо и почетно, но заниматься этим каждый день?!.. Выдалбливать лодки-дубицы, плести сети, лепить глиняные горшки? Все не то. Дослужиться до воеводы русского князя, как постоянно внушала ему мать? Но опять придется подчиняться тому же князю или, что еще хуже, его подручным. То ли дело ходить путником из городища в городище, работать за еду и одежду, и в конце жизни рассказывать всем на зависть о своих похождениях. Правда, и здесь был существенный изъян – не везде можно свободно путешествовать, где-то, по рассказам стариков, путников убивают, где-то убивают даже под пытками. Значит, надо исхитриться, чтобы с ним такое было невозможно. А как? Стать могучим, умеющим себя защитить воином. Но воин не вепрь, никто не даст ему в удовольствие убивать одного за другим многих противников, скопом накинута, и никакое умение не поможет. В одном из свитков Дарник прочитал, как большое ромейское войско окружило малый отряд русов и когда на их глазах русы совершили военный обряд приготовления к смерти, ромеи расступились – никому из них не захотелось побеждать тех, кто не боялся смерти. Как хорошо было бы иметь ему, Дарнику, такой отряд, которого бы все боялись. Вот только сколько воинов должно быть в этом отряде и как сделать так, чтобы они тебя безоговорочно слушались?

3

В одиннадцать лет жизнь приподнесла Маланкиному сыну первое серьезное испытание. Весной, когда он как обычно перебрался на житье к дяде Ухвату, в ведение их ватаги перешел весь немногочисленный лошадиный табун Бежети. Ночевка на пастбище под открытым небом, скачки вдоль Засеки, сооружение самодельных седел в виде мягких, набитых шерстью или перьями подушек – все прежде недоступное было теперь в полном распоряжении подростков.

Даже серьезный и осмотрительный паренек Дарник и тот не мог устоять перед искушением с гиканьем в раздутой ветром рубашке проскакать на дальнее пастбище. Рядом непременно скакал Сбых. От него исходило такое необузданное желание быть впереди всех, что Дарник нередко придерживал своего коня, чтобы сделать старшему брату приятное.

И вот однажды во время скачек лошадь Сбыха оступилась, и тот самострельным болтом вылетел из седла. Скакал он, лихо повернувшись к отставшим товарищам, поэтому не сумел как следует извернуться в падении. Боковой удар о пень свернул ему шею. Когда спешившиеся ребята приблизились к нему, Сбых уже не дышал.

Родители тут же настрого запретили ватаге подобные скачки, но исправить случившееся было уже невозможно. Потеря любимого брата пошатнула для Дарника весь окружающий мир, он был даже уверен, что никогда уже не сумеет улыбнуться или засмеяться. В ночь после похорон он пробрался в хлев, где стоял жеребец, сбросивший с себя Сбыха, и дважды пырнул его в живот навозными вилами. Жеребец принадлежал семейству старосты, и на следующий день разъяренный Смуга Лысый навсегда запретил Маланкиному сыну появляться в Бежети.

Дарник воспринял наказание как должное – это была его тризна по Сбыху, и он ни о чем не сожалел. Более того, сам себе еще больше усилил наказание, перестав даже за пределами селища встречаться со своими сотоварищами.

Неизвестно сколько бы ему удалось выдержать характер, но тут в Бежети появился Вочила Бедовый – старший, самый непутевый сын Смуги Младшего, про которого давно все забыли. Пятнадцать лет назад Вочила с ватагой парней покинул Бежеть в поисках приключений и вот теперь один из всех вернулся домой, ведя в поводу двух навьюченных остромордых лошадей и в сопровождении двух псов-волкодавов. Больше непривычных лошадей бежечан удивил вид самого Вочилы. Хромой, весь в шрамах он был с бритой головой, на которой торчала длинная прядь тронутых сединой волос. В четырех больших выюках были шелковые ткани, женские украшения и всевозможное ломаное железо: топоры, кирки, лопаты, цепи, наконечники стрел и копий. Зачем ему столько железа выяснилось позже, когда Вочила построил себе отдельную кузню.

Встретили его в селище по-разному. Дети восторженно, женщины с любопытством, мужчины настороженно. Вскоре выяснилось, что из-за своих ран Вочила не может иметь жены, и взрослые сразу стали от него брезгливо воротить нос, не решаясь, впрочем, напрямую задевать бывалого воина. Даже родители не знали, как именно обращаться теперь с ним. Сам Вочила был невозмутим, словно ничего другого и не ожидал. Чтобы никому не быть в тягость, он принялся строить свое дворце хоть и внутри Засечного круга, но подальше от селища.

Две лошади так и остались при нем, хотя Смуга Лысый предлагал за любую из них две коровы и свинью с приплодом. В отличие от бежечан Вочила своих лошадей всячески берег, всегда запрягал только парой, подтаскивать ли бревно, вспахивать ли полную корней землю, следил, чтобы им было не слишком тяжело.

По-иному возводил и свое жилище. Вместо того, чтобы закапываться в землю, деревянный сруб установил на четыре больших камня. Удивил родовичей и тем, что никому не стал раздаривать подарки, только отцу приподнес серебряный кубок для хмельного меда, а матери

красивое ожерелье, все остальное пустил только на обмен. Несмотря на хромоту от помощи младших братьев Вочила наотрез отказался, что для всех тоже было в диковинку.

Для Дарника появление Вочилы явилось настоящим подарком судьбы. Лесной мир будто раздвинул свои границы. Одно дело – слушать и читать о дальних краях и народах, и другое – воочию увидеть их реального представителя.

Маланкиному сыну в Вочиле нравилось все то, что осуждалось остальными бежечанами: его подчеркнутая самостоятельность, основательность действий, отсутствие зависимости от женщин. Ну и конечно то, что Вочила был на таком же положении в селище, что и они с Маланкой. Желая подружиться с пришельцем, но, боясь быть отвергнутым, Дарник первое время сильно дичился его, наблюдая за кузнецом лишь издали. С каждым днем расстояние, с которого он следил за своим двоюродным дядей, на два-три шага сокращалось. Точно так же привикал к долговязому мальчишке и Вочила. Выходя по утрам из своего временного шалаша, он первым делом внимательно оглядывал окрестности и, убедившись, что соглядатай на месте, принимался за работу. Зная уже все про Дарника и догадываясь, что первого шага от него не дожидаться, Вочила сам попросил его однажды принести воды из родника. Дарник на просьбу отреагировал не сразу, сначала прикинул в уме, не будет ли это как-то унижительно для него, привыкшему подчиняться только самому себе. Потом все же снизошел, взял ведро и сходил за водой.

Так началась их дружба. Дарник охотно помогал Вочиле со строительством дома: подавал инструмент, ошкуривал бревна, запикивал в щели мох. Оба были достаточно замкнуты, и разговора долго не получалось. Вместо того чтобы расспрашивать Вочилу напрямую, Рыбья Кровь придумал первым рассказывать о дальних странах то, что знал из свитков, вынуждая двоюродного дядю частенько усмехаться и поправлять себя, тем самым невольно выкладывая нужные сведения. Очень скоро находчивый мальчишка узнал о великой восточной реке Итиле, которую не в силах переплыть ни один пловец, о бурном Хазарском море, где волны вздымаются выше самых высоких деревьев, о малом Сурожском море, на мелководье которого невиданное количество рыбы и птиц, о горах, чьи вершины покрыты снегом в разгар лета, о песчаных пустынях, где никогда не проливается дождь, о животных в два человеческих роста, у которых вместо носа растет длинная толстая змея, способная скрутить и задушить человека, о необычайных плодах на деревьях, чей вкус слаще меда, о разнице между ратниками-ополченцами, вольными бойниками, княжескими гридями и дружинниками-телохранителями.

Не совсем ясными были сведения о рабах и путниках. По словам кузнеца, у всех рабов судьба складывается по-разному. Кто-то становится правой рукой своего господина, а то и мужем своей хозяйки, а кого-то за строптивость приковывают к веслам большого морского корабля или истязают плетью. С путниками, если их принимают за вражеских лазутчиков, тоже не церемонятся: пытаются каленым железом или сажают на кол, на котором он в течение трех дней умирает мучительной смертью.

Много было и рассказов о ратных делах. Да, подтвердил Вочила, у словен и хазар есть камнеметные машины и осадные башни, а у ромеев даже жидкий огонь, который не залить никакой водой, видел он и всадников, закрытых доспехами вместе со своими лошадьми, и ханьский самострел, в который вставляется десять стрел-болтов – из него можно десять раз выстрелить с той же скоростью, что и из лука. Однако не это самое главное. А что же тогда, жадно спрашивал Дарник. А то, как тысяча воинов могут превратиться в одно существо и шагать единым строем в любую сторону, и справиться с их единством не могут десять тысяч не менее сильных, но разобщенных воинов. Такое соотношение казалось слишком невероятным, чтобы в него поверить: как может быть, что десять воинов не могут справиться с одним, пусть и спрятанным в каком-то там строю?

Еще Дарнику очень хотелось знать, какое оружие самое сильное: меч, копье, топор или что-то еще? Вочила отвечал, что все зависит от умения и случая. Бывает, и обыкновенным

ножом можно победить мечника со щитом, закованного в самую лучшую броню. Такой ответ тоже не удовлетворял Маланкиного сына.

Привезенный с собой дальнобойный степной лук Вочила дал ему только рассмотреть, не разрешив стрелять. Зато позволил поупражняться с пращей-ложкой, обыкновенной аршинной дубинкой с чашкой для камня на конце. Что такое обычная праща Дарник знал, хотя в лесной глуши это оружие использовалось редко – просто бывало трудно найти место, чтобы как следует размахнуться, да и таскать с собой дюжину камней мало кому хотелось. В пращу же ложку Дарник влюбился с первого взгляда. Одно неуловимо резкое движение – и камень летит в три раза дальше, чем брошенный голый рукой. Вырезав себе ее точную копию, он целыми днями с увлечением упражнялся с ней, пока не научился попадать в ствол молодого дерева с сорока шагов.

Другим новым сильным оружием для Дарника явилось лепестковое копьё. Среди привезенного Вочилой железа был короткий обоюдоострый меч с длинной рукояткой-стержнем, его только прикрепить к двухаршинному древку, и можно было наносить сильные рубящие и колющие удары с расстояния в целую сажень.

– Но как с ним в бою выходить против щита и меча? – сомневался Дарник.

– А вот так. – И Вочила показал, как можно парировать древком копья удары меча. – Если прикрепить к древку ребра жесткости, то даже топор не перерубит.

Ребра жесткости из толстой каленой проволоки были его любимым коньком. Ими, как он утверждал, всегда следовало снабжать и шлемы, и доспехи, и щиты, ну и конечно древки топоров и копий для рукопашного боя.

Как-то, желая подшутить над дядей, Дарник поспорил, что не против всякого оружия эти ребра могут помочь. Рассерженный кузнец приказал принести то оружие, которое может разрубить его ребра. Дарник принес с собой клевец, оружие Смуги Везучего, которое Маланка после смерти отца тихонько унесла к себе. Как удивленно округлились глаза Вочилы, когда он, выставив на пень остроконечный шлем с восемью жесткими ребрами, увидел какое оружие достал Дарник из принесенного с собой свертка. Но отступать было поздно, оставалось надеяться на недостаток сил племянника. Тут Вочила тоже сильно ошибся. Несмотря на юный возраст, Дарник обладал силой крепкого юноши-отрока и умел всю ее вкладывать в одно резкое движение. Его удар получился столь сокрушительным, что трехвершковый шип клевица не только пробил железо шлема, но даже сама его рукоять от удара разлетелась на куски.

После несчастного случая со Сбыхом, Дарник решил про себя, что лошадь – это проклятое животное и лучше обходить его стороной. Но две остроносые кобылки Вочилы быстро покорили его сердце. В отличие от мелких коренастых бежецких лошадок они казались верными и понятливыми помощницами своему хозяину, и так оно на самом деле и было. Впервые увидел Дарник и настоящее, обтянутое кожей деревянное седло со стременами. Как-то сжалившись над умоляющим взглядом мальчишки, кузнец сам предложил ему проехаться в своем седле. Столь захватывающего ощущения собственного могущества Дарник еще не испытывал. Приподнявшись в стременах, он метнул в дерево одну за другой обе свои охотничьи сулицы, и броски получились такими же точными и сильными, как если бы он стоял на земле. Разобравшись в конструкции деревянного седла, Дарник сумел изготовить себе точно такое же, и в дальнейшем они с Вочилой не раз верхом отправлялись за пределы Засеки, на узкую и длинную поляну, по которой можно было скакать в полный мах, и где дядя показывал племяннику, как надо сражаться верхом, и предубеждение Дарника перед лошадьми было основательно развеяно.

Маланка смотрела на его дружбу с хромым кузнецом весьма косо, опасаясь, что тот будет вредно воздействовать на сына. Чтобы успокоить мать и перевести ее мысли в другое русло, Дарник заявил, что ладно, так и быть, он станет великим воеводой, но вовсе не по той причине, по которой она думает. Секрет его решения был прост: в очередной раз перебирая свои буду-

щие взрослые занятия, он пришел к неожиданному выводу, что самые совершенные движения на свете могут быть только у сражающегося мужчины, хотя бы потому, что этими движениями он всякий раз борется за свою жизнь. Ведь самым красивым, что до сих пор ему приходилось видеть, была схватка Маланки с медведем, значит, любое убийство с риском для жизни и будет самым совершенным, что есть на свете. А убийство на поле боя тысяч врагов еще более восхитительно и значимо.

Очередную зиму Дарник провел в более тщательном пересмотре и изучении свитков из заветного сундука матери, ведь во многих из них подробно рассказывалось о военных походах. Наталкиваясь на свитки на чужом языке, он обратил внимание, что в некоторых за каждым незнакомым словом следует слово на словенском языке. Долго размышлял, что бы это могло значить, пока не сообразил, что перед ним толкование слов незнакомого языка. И вот совершенно не зная, как именно звучат чужие слова, он тем не менее вершок за вершком стал вникать в содержание ранее непонятных свитков, многие из них словно специально оказались руководством по военному делу и давали прямые указания, какие приемы следует предпринимать в большом сражении: когда вести дальний обстрел, когда изнурять противника ожиданием, а когда с мечами в руках мчаться в ближнюю атаку.

Надо сказать, что изгнание из Бежети коснулось Дарника лишь на одно лето. Сразу после зимы товарищи из ватаги позвали его к себе обратно. Они готовились к своему выходу на Сизый Луг, и неучастие в отроческих поединках лучшего бойца ставило все их победы и достижения под сомнение. Как обычно в подростковом возрасте кто-то за прошедший год сильно вытянулся, другой необыкновенно окреп, третий поднаторел в самих поединках. В общем, всем было интересно, чем закончатся новые бои с Рыбьей Кровью. Дарник с удовольствием принял приглашение, ему тоже важно было испытать пару своих новинок: удары босыми ногами и ложный замах, когда один кулак грозно замахивается, а второй снизу наносит быстрый скрытный удар.

– Так не честно! – вопили побежденные.

Дарник в ответ лишь пожимал плечами: ну кто на ратном поле будет разбирать что честно, а что нет.

Обиженные поединщики захотели отыграться в боях деревянными мечами, наивно надеясь на выигрыш, ведь они все время упражнялись, а он нет. И с большим изумлением обнаружили, что как раз на мечах Дарник искушен лучше прежнего. Вместо чинного скрещивания своего оружия с мечом противника, он в два-три удара находил способ обрушить свой меч на его тело. Фактически это были поединки противников разной степени подготовки. Лучшим оказался Дарник и в стрельбе из лука, а также в метании ножей, топоров и сулиц. И среди мальчишек снова пошел слух, что вся ловкость Маланкиного сына от чистого колдовства, даром, что ли, они с матерью столько лет живут в землянке колдуна Завея и ни разу с тех пор не бедствовали и не просили помощи. Припомнили ему и его удивительную невредимость во всех их прежних ребячьих переделках. Нет, прочь его никто не гнал, просто сверстники стали его слегка сторониться.

Впервые собственное изгойство представилось Дарнику не как случайное недоразумение, а как тягостный неприятный жребий. Ведь одно дело, когда тебя отлучают от ребят своя нравная мать или злой староста, и совсем другое, когда ребята сами не хотят тебя признавать за своего. А как же быть тогда с мечтами об управлении сотнями и тысячами гридей?

Единственный человек, с кем он мог поделиться своей бедой, был Вочила. Кузнец воспринял ее достаточно серьезно и посоветовал впредь быть более осмотрительным и расчетливым. Поменьше выставлять свои умения напоказ, мол, умников никто не любит, а если ты перед всеми сразу покажешь все свои способности, ничего не оставив себе про запас, то обязательно найдется тот, кто придумает, как их преодолеть и принизить.

Дарник внимательно слушал, хотя до конца понять смысл совета, пока был не в силах.

Отроческий возраст у запрудников обычно наступал в четырнадцать-пятнадцать лет, но для Дарника он пробил уже в двенадцать лет. Когда настало время подростковой бежецкой ватаге отправляться на Сизый Луг в соседнюю Каменку, к началу брачных токовищ, он последовал вместе со всеми, и никто не решился ему помешать.

Сколько прежде было разговоров, что соседнее селище ничем не отличается от их Бежети. Дарник увидел разницу с первого взгляда, и она заставила его о многом задуматься. У Каменки не было полной круговой Засеки, а лишь небольшая ее часть с восточной стороны поперек речки Каменки, видимо, в расчете, что приплывшие на лодках чужаки поленятся обходить неожиданную преграду вокруг. Почти все жители Каменки, за исключением детворы носили мягкие кожаные сапоги, что указывало на их более тесную связь с окружающим миром – только оттуда они могли почерпнуть столь своеобразную обувь – бежечане просто заворачивали ступни ног в материю и кожу. Даже сами отношения между взрослыми и детьми здесь были другие. Если в Бежети главная забота о детях состояла в том, чтобы они не слишком досаждали родителям и меньше получали себе повреждений, а в остальном им была полная свобода, то в Каменке за молодежью был гораздо более строгий надзор. Ни один подросток не мог ослушаться взрослого и не выполнить его приказания.

Свободны они были только на Сизом Лугу, где собирались парни и девушки трех селищ, включая еще далекую северную Заволочь, и устраивали свои игрища-токовища, выбирая будущих жен и мужей. Взрослые и дети сюда не допускались. Девушки пели и танцевали, а парни показывали свое молодечество.

У юных каменчанок было принято всех новеньких парней-бежечан всячески игриво спрашивать, старательно высмеивая за неуклюжие ответы. Дарник давно успел усвоить, что человеческая речь тоже является нужным и полезным делом, и то, что он при посторонних обычно помалкивал, вовсе не означало, что он не умеет остроумно отвечать. Поэтому, когда до него дошла очередь стать девичьим посмешищем, его хлесткие слова заставили зрителей хохотать уже над незадачливыми вопрошальницами. Каменчанки слегка обиделись и оставили малолетку в покое.

Их равнодушие Дарник воспринял без какой-либо обиды, ведь и он сам к ним особо не стремился. Наблюдая как в присутствии «невест» прямо на глазах глупеют его бежецкие братья, как они краснеют, несут околесицу и даже в поединках ведут себя с каким-то непонятным надрывом, он ни за что не хотел того же для себя. А когда начиналось соперничество между парнями за какую-нибудь особенную красавицу, тут он вообще не мог сдержать улыбку.

После первых знакомств нередко образовывались устойчивые пары женихов и невест, которые держались все время вместе, тихо или напоказ оказывая друг другу знаки внимания и частенько удаляясь в лесную чашу. Все понимали, что осенью они станут мужем и женой и на следующее лето их уже никто не увидит на Сизом Лугу. Дарника подобный финал приводил в содрогание – ради самой тусклой обыденной жизни отвергать судьбу неизвестную, полную открытий, взлетов и падений?! Раньше он не понимал, когда слышал, что самое большое зло для мужчин исходит от красивых женщин: да дать ей хорошего тумака, когда будет сильно нудеть, – и всех делов! И теперь пристально наблюдая за своими околдованными и распаленными братьями, он убеждался, что не все здесь так просто и, прикидывая на себя их «околдованность», сочинял собственные ответные поступки на такой случай. Разумеется, всегда выходил победителем, и все девушки непременно выражали ему покорность и тихое восхищение.

Ну, а пока, оставленный ими в покое, Дарник полностью переключил себя на жениховские единоборства, для которых на Сизом Лугу имелся широкий простор. Тут он действительно показал себя во всей красе. Что на кулаках и на деревянных мечях, что во всех видах

метания – очень скоро выяснилось, что ему нет равных ни среди каменской, ни среди заволочской молодежи. Наученный неприятным опытом Дарник с тревогой ожидал всеобщего отчуждения. Но, странное дело, то, что в Бежети поставили ему в укор, на Сизом Лугу сделало его настоящим героем. Даже восемнадцатилетние переростки, которым было уже не до поединков, смотрели на него с любопытством и уважением.

Больше всего изумило Маланкиного сына, что все те, кого он побеждал, уже на следующий день становились его лучшими друзьями, словно синяки и испытанное от поражения унижение пробуждали у них к противнику самые теплые чувства, – уж он-то никогда бы не стал заискивать перед человеком, побившим его.

Среди каменчан выделялся четырнадцатилетний Клыч, белоголовый крепыш, не расставшийся с двумя кистенями, на которых вместо железной гирьки висело по деревянному шару, обернутыми беличьей шкуркой. Но даже с такими предосторожностями удар получался такой, что любой противник тут же выбывал из поединка. Другого оружия Клыч не признавал. Дарник вышел сражаться против него с двумя деревянными мечами, надеясь намотать на лезвия ремни кистеней и вырвать их из рук противника. Но тот разгадал его намерение и вовремя уворачивался. Так они долго кружили друг против друга, ловко уходя от ударов и выжидая удобного момента, пока Дарник, потеряв терпение, не метнул один из мечей в грудь Клыча. Бой прекратился. Зрители заспорили: правильно он поступил или нет? Клыч сам положил конец спору, признав, что в настоящем бою он был бы уже мертв.

Поединок между ними на кулаках тоже не выявил победителя. Выдержав дважды прямой удар Дарника, каменчанин просто бросился ему в ноги и, захватив лодыжки, опрокинул на спину. Так потом они все время и бились: Клыч, невзирая на встречные удары, лез к Дарнику вплотную и, обхватив руками, старался повалить, и нередко ему это удавалось. Впрочем, никто из подростков явной такую победу не считал, все понимали, что Клыч просто нашел способ преодолевать сокрушительные удары Рыбьей Крови и только. Тем не менее, Дарник чувствовал себя крайне неловко и на какое-то время перестал меряться со столь неудобным противником силами.

К середине лета, однако, значение всех единоборств резко упало. Парней постарше гораздо больше стали занимать игры вместе с девушками, где можно было участвовать в догонялках, прыгать через костры и иметь повод хватать и прикасаться друг к другу. Дарник не видел в таком веселье особого смысла и предпочитал не участвовать. Клыч тоже держался в стороне, но уже в силу своего легкого заикания, которого он перед девушками стеснялся. И вот, часто оставаясь вне игр, они как-то с Дарником случайно разговорились. Выяснилось, что Клыч тоже мечтает вырваться за пределы непролазных лесов в другую жизнь. Вдвоем подготовиться к ней казалось гораздо сподручней, и из постоянных противников, они очень быстро превратились в закадычных напарников.

Несмотря на юный возраст, им уже было чем поделиться друг с другом: Клыч обучал товарища, как владеть левой рукой наравне с правой, а Дарник – своим приемам кулачного боя. У них появилось излюбленное место, где они могли в уединении сколько угодно упражняться во владении любым оружием. Как-то Дарник рассказал приятелю о ловких воинах Востока, которые могут ловить пущенные в них из лука стрелы. Насчет перехвата пущенных стрел ничего у них так и не вышло, но вот ловить брошенную с десяти шагов сулицу они оба спустя какой-то месяц научились.

Иногда Клыч тайком приносил зазубренный отцовский меч в потертых ножнах. Наверное, истинный гридь постыдился бы такого оружия, но для подростков оно представляло собой целое сокровище. Руки сами тянулись к рукоятке, приучаясь не столько даже к тяжести меча, сколько к перетеканию его тяжести в собственной руке в разных положениях и ударах, чего никогда не бывало с деревянными мечами. Порой Дарник привязывал меч к двухаршинному

древку, и тогда у них получалось настоящее лепестковое копье, постигать возможности которого было особенно интересно.

Когда приходила усталость, они валились на траву под деревом и без конца говорили о ратном деле. Если Дарник много знал от Вочилы и из своих свитков, то Клыч помнил все рассказы о военных походах каменецких стариков. Стрелы с привязанными свистульками перемежались у них с пиками, снабженными флажками, что издавали при быстром движении устрашающий гул, напитки, вызывающие нечувствительность к боли, сменялись сигналами, посредством которых можно на поле боя управлять целыми ватагами и сотнями. И всегда они оказывались бравыми воеводами и с легкостью громили противника в любом количестве.

Однажды Дарник поведал другу о своем заветном желании: возродить древние двухколесные колесницы, которые, ошетилившиеся острыми косами, врезались бы в ряды неприятеля. Клыч пришел от его идеи в полный восторг, и они даже приступили к ее осуществлению, дабы отправиться наниматься в княжеское войско на своем особом средстве передвижения. Закончить почти готовую колесницу им помешало лишь открытие, что дальше пастбищ Каменки они на ней никуда не уедут. Клыч, правда, предлагал захватить колесницу с собой в разобранном виде на лодке-дубице, но Дарник не соглашался:

– Зачем разбирать? Лес растет везде, там на месте и сделаем.

К сожалению, встречаться им удавались не всегда. В отличие от своего свободного друга, Клыч частенько бывал занят работой на отцовском дворе. Тогда Дарник прямо там, в Каменке, отправлялся к другому своему новому знакомому, ромею Тимолаю. Тот жил в отдельной землянке за оградой селища и был его главной достопримечательностью. В Бежети подобное соседство с чужеземцем было просто невозможно, там враждебно смотрели даже на каменецких подростков. А тут живет себе рядом инородец с бритым, похожим на хищную птицу лицом, и несчастья на Каменку почему-то не обрушиваются.

Тимолай не держал никакого хозяйства, не ходил на охоту, не ловил рыбу и, тем не менее, с голоду совсем не умирал. Он был менялой, хотя для Дарника долго оставалось загадкой, что можно выменять в маленьком селище, где все привыкли сами себя всем обеспечивать. Лишь внимательно понаблюдав, он заметил как-то женщину, которая приблизилась со свертком к навесу, под которым целыми днями сидел ромей, скрестив по-восточному ноги и перебирая четки, и получила взамен другой сверток.

Порасспросив Клыча, он узнал, что каменецкие женщины для обмена несут Тимолаю еду или воск, а взамен получают ткани и украшения. Их раз в год в конце лета в городище Перегуд, что находилось в трех днях пути ниже по течению реки, привозили на своих ладьях купцы. К этому времени туда отправлялся на своей дубице с воском и Тимолай. Потом в течение года он маленькими порциями выдавал добытые там товары каменецким женщинам.

Знакомство Маланкиного сына с чужеземцем произошло, когда он принес Тимолаю один из свитков на чужом языке. Как Дарник и предполагал это оказался ромейский язык. Меняла услышав, что имеются еще десятки таких свитков, пообещал ему дать за них хазарский меч. Для любого бежецкого подростка не было большего соблазна, но Дарник в ответ отрицательно покачал головой. Он уже знал, что важные решения лучше принимать не сразу, а немного погодя. Через два дня, хорошо подумав, он предложил, чтобы Тимолай дал ему пергамент и чернила:

– Тогда я перепишу эти свитки на свой язык и просто отдам тебе.

– Ты умеешь писать и читать? – удивился ромей.

– А еще ты научишь меня, как произносятся ваши буквы.

Тимолай охотно объяснил, с недоумением наблюдая, как подросток старательно все за ним повторяет. Его изумление возросло еще больше, когда две недели спустя Дарник заговорил с ним на его родном языке. Неуклюже, коряво, но все же понятно.

До переписывания свитков на чистый пергамент дело не дошло – слишком дорогое удовольствие, но с этого дня бежецкий гость при всяком посещении Каменки, когда Клыч был занят, шел к Тимолаю заниматься математикой и ромейским языком. Со сложением и вычитанием Дарник был знаком и раньше, теперь пришлось познакомиться с умножением и делением. Эта любовь к счету оказалась привита Маланкиному сыну на всю жизнь: стаи птиц, количество землянок в селищах, соотношение парней и девушек на токовище, не сосчитав всего этого, он уже не мог себя чувствовать спокойно и уверенно.

Дальше его ждали еще более удивительные открытия. Как-то раз меняла взялся обучить Дарника игре в затрикий, так по-ромейски назывались шахматы. До этого он никого этой игрой в Каменке заинтересовать не мог. Не заинтересовал бы и Дарника, если бы сперва не рассказал легенду о появлении самой игры. Как придумщик шахмат попросил у местного князя награду в зернах пшеницы, которые надо было уложить на клеточки шахматной доски в следующем порядке: на первую одно зерно, на вторую два, на третью четыре и так далее. Но когда казначей княжества все, как следует, подсчитали, то выяснилось, что столько зерна может вырасти во всем их краю лишь за двадцать лет.

Дарник легенде не поверил и, придя домой, взялся все перепроверять. Его знания цифр хватило только до половины шахматной доски, дальше он просто не знал, как эти цифры называются. Но потрясение подростка возросло еще больше, когда он, любопытства ради, тот же порядок цифр приложил к собственному происхождению. В десятом колене его предков стало больше тысячи, в двадцатом больше миллиона, в тридцатом больше тысячи миллионов. Никому, даже Клычу, не рассказал он о своем открытии, зато оно разом разрушило для него сказку про князей и знатных людей. Все они обязательно в каком-либо колене являлись его прямыми предками, следовательно, он сам не менее знатен любого из них.

В другой раз Тимолай рассказал ему о гиене, которая весь день преследовала антилопу пока та не свалилась без сил на землю. Гиена не стала перегрызать антилопе горло, а, примостившись поудобнее, принялась есть у еще живой антилопы заднюю ногу. А антилопа в это время шевелила ушами, смотрела в сторону и ничего не чувствовала, потому что всякая боль была уже за пределами ее чувств. Дарник и этот рассказ умудрился повернуть себе на пользу, мол, точно так же не существует слишком сильных физических пыток и в мире людей – рано или поздно любая боль выходит за пределы чувств. Такой вывод сильно приободрил его – теперь он мог не слишком бояться своих будущих возможных палачей.

Многому чему еще научился Дарник у менялы: как с помощью особых вычислений определять размеры удаленных предметов и расстояние до них, что такое деньги, и как переводить серебряные дирхемы в серебряные милиарисии, а золотые солиды в медные фолисы, нашелся у него ответ и на вопрос, почему сейчас не воюют по древним умениям, раз они были так хороши.

– Утратило смысл воевать малой кровью. Для неожиданного набега хороша и простая свирепая толпа. Никто уже не завоевывает чужих земель, чтобы там жить. Соберут дань, похожую на обычный грабеж – и домой.

– А почему не хотят чужих земель? – удивлялся Маланкин сын.

– Потому что это очень обременительно иметь чужие земли.

Дарник все равно не понимал.

– Хорошо, а в чем тогда вообще смысл настоящей войны? – жадно допытывался он.

– Ее смысл в том, чтобы завоевывать не только имущество, но и души врагов.

– Сделать их своими рабами?

– Нет, не рабами, а чтобы они сами к тебе прикипели своими душами.

– А разве это возможно?

– Нужны такие слова и дела, которые не только воспламенили бы твое собственное войско, но привлекли бы на твою сторону врагов.

– Неужели это кому-нибудь удавалось сделать?

– Некоторым удавалось. Завоеывая новые земли, они несли туда не только сильный меч, но и большую выгоду: маленькую дань, справедливое управление, защиту от разбойников и богатые товары.

Для Дарника, который всегда слышал, что орды диких племен завоевывают и разоряют цветущие города, такой ответ был неожиданным.

– Но разве не бедность должна завоевывать богатство, а богатство – бедность?

– Когда бедные завоевывают богатые страны, они через двадцать лет неизбежно становятся сами рабами завоеванной страны, только богатые завоеватели умеют сохранять свою прежнюю свободу и обычаи.

– А если бедные будут хорошо знать, что им делать, они победят? – пытался выяснить все до конца Маланкин сын.

Мудрый Тимолай только грустно улыбался в ответ.

5

Куда пропали следующие три года его жизни, Дарник потом вспоминал с большим трудом. Все казалось только повторяется и повторяется, не прибавляя ему ничего нового. По телесной силе он не уступал среднему мужчине, по ловкости, быстроте, меткости – равных ему в Бежети, Каменке и Заволочье вообще было не найти, по знаниям, свежим мыслям и благоразумию – опережал любого взрослого, даром, что ли, Вочила и Тимолай теперь разговаривали с ним как с равным. А после того, как зимой на медвежьей травле именно брошенная Дарником сулица уложила выскочившего из берлоги медведя, он и вовсе почувствовал себя полностью сложившимся мужчиной-воином.

Ромей Тимолай сильно охладил его пыл, сказав, что сейчас он только на пороге получения серьезной внутренней силы.

– Как так, – возмутился Дарник.

– Жизнь любого человека состоит из двух частей: сначала он учится жить по чужой правде, а потом живет по своей правде. Хотя на самом деле девяносто пять человек из ста обычно останавливаются на первой части, но ты еще не достиг и ее.

– Ну и скажи мне, чего я еще не знаю и не умею? И что это еще такое: жить по своей правде?

– Сами твои слова говорят, какой ты еще несмышлениш, – вздохнул меняла.

Раздосадованный подросток в гневе смел с доски фигуры затрикия, в который они играли, и пошел прочь. Через неделю принес копченый кабаньей окорок, якобы в обмен на костяной гребень для матери. Тимолай встретил его как ни в чем не бывало, и слово за слово мир между ними был восстановлен.

Про то, как жить по своей правде, Маланкин сын так и не узнал, зато услышал много других удивительных вещей. Про то, например, что каждого человека окружают сразу три людских кольца. Первое кольцо сиюминутное, то, что видится сразу – все люди вокруг со всеми их грубостями, кликушеством и вредностью. Второе кольцо устоявшееся, коренное, то, какие есть эти же сиюминутные люди на самом деле со способностью на добрые и героические дела. Третье кольцо – это невидимое кольцо святости – все праведные люди, которые истово молятся не только за своих близких, но и за весь человеческий род. Про первые два кольца Дарник более-менее понял, но вот третье...

– А как можно доказать, что это третье кольцо существует? – спрашивал он.

– Когда спасение от большой беды приходит к человеку и его роду в самый последний момент, это и есть доказательство, что кто-то за нас сильно молится и ведет праведную жизнь, – отвечал Тимолай.

Дарник только недоверчиво хмыкнул, полагая, что так меняла хочет заманить его в свою ромейскую веру, о которой он время от времени рассказывал своему юному другу.

Был у Тимолая ответ и на то, что такое совершенный человек и как им стать.

– Путь к совершенству лежит через четыре вида одновременного развития: для Бога, для себя, для ближних людей и для людей дальних, – объяснил ромей.

Развитие для Бога Дарник пропустил мимо ушей, жизнь в землянке колдуна Завея сделала его полностью нечувствительным к любым видам богов и потусторонних сил. Зато остальное триединство удивительно благотворно легло ему на душу, став со временем главной умственной и сердечной опорой. Отныне скука и отсутствие интереса к окружающему навсегда покинули его, так же, как и усиленные «мучанья головы» о чем-либо. При любом затруднении он с легкостью оставлял это «развития для себя» и переходил мыслями на свое развитие для ближних, а то и для дальних людей. Как ни странно, от этого легче стало и с неразрешимыми загадками: то, что он несколько часов назад не мог для себя понять, вдруг всплывало потом в совершенно готовом и решенном виде. И возникало именно то легкое и победительное чувство хозяина самому себе и всему окружающему, которое он в себе любил больше всего.

Много времени с тех пор они проводили с Тимолаем, обсуждая «общелюдские задачи». Меняла спрашивал, как он будет поступать в том или ином случае, Дарник отвечал и тут же получал подробный разбор своих ошибок.

– Ну, например, твое войско разбило неприятеля, и вы захватили огромное количество пленных, а продовольствия мало и двигаться с пленными приходится очень медленно? – говорил учитель.

– Остановимся и устроим большую загонную охоту, – отвечал ученик.

– А охота не удалась. Неприятель воспользовался передышкой, накопил силы и снова наступает?

– Выколоть глаза всем пленным и отпустить, – придумывал Дарник самое необычное.

– Ух ты! – даже подскакивал от его слов ромей. – Правильно, но не разумно. Разумней начать переговоры и отдать пленных без выкупа.

– А они снова возьмутся за оружие! – не соглашался Дарник.

– Во-первых, ни в одном походном войске не бывает двойного комплекта оружия и доспехов, во-вторых, разбитые воины уже совсем не те воины, такая же обуза для неприятеля, как и для тебя. И ничего, как будто не выиграв, ты выиграешь все.

Боевые упражнения с Клычом, и знания, получаемые от Тимолая и Вочилы это, конечно, было замечательно, но бесконечно продолжать их выглядело уже как нерешительность и трусость. Не пора ли сколачивать собственную ватагу и выходить с ней на большую жизненную тропу. Клыч по этому поводу рассуждал просто и доходчиво:

– Хорошо, я согласен, что вожаком нашей ватаги будешь ты. Но другие никогда не согласятся на это. Мы и так для всех взрослых как пустое место, поэтому никто из ребят никогда не поверит, что в другом месте к нам будут относиться как-то иначе. И пойдут только за настоящим воином навроде Вочилы, или ты очень убедительно должен им доказать, что сам являешься таким воином.

Под чье-то начало Рыбья Кровь собирался становиться в самую последнюю очередь, поэтому был целиком за второе предложение. Вдумчиво оглядевшись по сторонам, он увидел, что те, с кем бы ему хотелось идти в поход, всюю занимались выбором невест, и рассчитывать можно лишь на самых неказистых отроков, которые до невест дорастут лишь через год-два. Два ухватича – вот все, на что он мог рассчитывать в Бежети, не больше троих каменчан мог уговорить на уход из Каменки и Клыч. Для начала решено было испытать свои силы в дальней охоте на туров и оленей. Дважды на такую недельную охоту отправлялись Дарник с Клычом с пятью-шестью другими ребятами, но лишь однажды им удалось подстрелить оленуху с оленен-

ком. Зато ночевки в лесу у костра с выставлением сторожей выглядели совсем по-взрослому и по-боевому.

Во время второго похода Дарник решил пошутить: сказал, что не может найти дорогу назад. Надо было видеть, как перепугались его ватажники! Ведь даже набредя на какое-либо селище, они вряд ли могли вернуться домой – как объяснить, куда им надо, если все вокруг имело лишь свои местные названия, да и речки были на одно лицо, а в дремучих лесах не везде можно было определить стороны света. Рыбья Кровь все же вывел ватагу куда надо, но пережитый ужас напрочь оттолкнул ребят от него. Да и у самого Маланкиного сына возникло к ним довольно брезгливое чувство. Не паниковал один Клыч, догадавшись о проверке Дарника.

Любовные токовища на Сизом Лугу тем временем шли своим чередом. Одна из каменчанок по имени Млава стала ни с того ни с сего заглядываться на него, четырнадцатилетнего Дарника, и узнав про его мечту податься в дальние края, стала в открытую просить взять ее с собой. Рыбья Кровь не знал, что и сказать, среди вольных бойников, по рассказам, тоже встречались женщины-воительницы, обычно наложницы вожаков, которые отличались нередко даже большей кровожадностью, чем бойники-мужчины. Млава не выглядела первой красавицей, но и последней тоже не была. И если бы не ее озорные глаза, часто посматривающие на него, он бы вообще не выделил ее из общего девичьего ряда. Возник даже соблазн взять шаловлицу с собой, чтобы с первого дня обрести вид бывалого воина. Будь Млава чуть посдержанней, так бы все и случилось. Но, увы, по своему недомыслию она прибегла к обычному набору девичьих ухваток. То затащит его на посиделки у костра, то вызовет на танец, то потянет купаться на пруд.

Окружающие парни и девушки все это, естественно, не оставили без внимания. Шутки, подначки, а то и насмешки открыто посыпались в их сторону. Дарник долго помалкивал, надеясь, что Млава сама догадается, что с ним нельзя себя вести как с обычным парнем. Она же, принимая его молчание за простую застенчивость, расходилась еще больше и скоро стала вызывать в своем «женихе» чувство холодного неприятия.

Среди сложившихся парочек женихов и невест на свадебном токовище большой популярностью пользовался шуточный обмен партнерами. Когда в танцах и играх они менялись друг с другом девушками и парнями, как бы подчеркивая их достойную зависти обоюдную привлекательность, до прогулки «в рощу», разумеется, не доходило, просто всем было весело и занимательно. Еще на Сизом Лугу практиковался обмен настоящим оружием, когда дедовский шлем меняли на секиру, а защитные доспехи дяди на отцовский меч. И вот как-то раз, когда один шутник, владеец железного шлема, предложил Дарнику поменять Млаву на свою девушку, Дарник в ответ предложил поменять свою «невесту» на его шлем. Все с интересом ждали, чем закончится их розыгрыш. А закончилось тем, что Дарник просто взял шлем и ушел. Неделью специально не появлялся на Сизом Лугу, а когда появился, то обнаружил, что его избавление от глупой девушки полностью удалось: Млава всю крутила любовь с владельцем шлема. Однако выиграв в малом, Маланкин сын проиграл в большом: вся сизолужская молодежь смотрела теперь на него с легким презрением за столь недостойный поступок – торговать женщинами у запрудников считалось последним делом. Даже Клыч и тот не проявлял при посторонних особо дружеских чувств.

Ну что ж, будь по-вашему! Разгневанный Дарник удалился на свой Черный Камень. Здесь, в привычном одиночестве, с редким участием Клыча, он принялся строить свою первую метательную машину, о которой прочел в ромейских свитках.

Получившийся малый камнемет на треноге представлял собой в три раза увеличенный самострел. На ложе была сделана выемка для камня величиной с репу, а в самой выемке – канавки для трех лучных стрел. После нескольких проб десятифунтовый камень со свистом улетел прочь и в ста шагах переломил ствол молодой осины. Тремя стрелами в дальнюю цель

Дарник, как ни старался, не попал, но и не огорчился – ведь они должны были лететь в толпу, а там уж непременно кого-нибудь да зацепят.

В разгар испытаний к нему на Черный Камень пожаловала целая компания ходоков с Сизого Луга звать его обратно. Оказалось, к ним из Заволочи явились четыре двадцатилетних перестарка, чьи жены много болели или получили членовредительство, и теперь они хотели выбрать себе вторых жен, и никто на токовище не знал, как от них избавиться. Против такого почетного и важного призыва устоять было невозможно. И отыскав бойцовские рукавицы, Рыбья Кровь последовал за ходоками.

Заволочские перестарки действительно установили на Сизом Лугу свое полное господство: высмеивали парней, цеплялись к девушкам, никому не давали ни минуты покоя. Сами из себя они не представляли ничего особенного – ну, по-мужски крепкие, ну, бородатые, ну, бесконечно уверенные в себе. Но среди каменецких парней были ничем им не уступающие бойцы, вот только разница в возрасте намертво сковывало их. Для Дарника такого препятствия не существовало, он просто надел рукавицы и вышел в бойцовский круг. Его расправа была короткой и не блистала разнообразием: ложный замах левой рукой и короткий выстрел правым кулаком – и четыре наглеца, лежа на земле, пытаются понять, что с ними произошло. Солидный кулачный опыт научил бежецкого бойника, что самый надежный удар это в подбородок, но сейчас он попал лишь в два подбородка, третий заволочец нырнул головой вперед и в результате Дарник сломал ему нос, а по четвертому Рыбья Кровь промахнулся сам, ожидая такого же нырка, попал кулаком в кадык, и тем самым едва не прикончил противника.

Зрители стояли притихшие и испуганные, никто не решался поздравлять Маланкиного сына с таким выдающимся результатом, словно перед ними был не их скромный знакомец, а некий злой дух вызванный с Черного Камня. Прежнего отношения уже не будет никогда, понял и Дарник, и, побыв там для приличия какое-то время, молча удалился со ставшего совершенно чужим места забав и веселья.

Но его тайной надежде, что уж такое кулачное достижение снискает ему жожацкую славу, не суждено было сбыться. Через два дня Клыч сообщил ему, что остальные их «соратники» полностью отказались идти в большой мир.

– Значит, пойдем вдвоем.

– Как вдвоем? – изумился каменчанин.

– Если стоять спина к спине, то это то же самое, что десять бойников, – объяснил Дарник.

– А куда мы пойдем? На запад или юг?

– Мы не пойдем, а поплывем. На восток по Каменке.

Тревогу Клыча можно было понять, в лесных и речных далях даже ватаги в двадцать парней исчезали без следа и каких-либо слухов, а что смогут сделать они вдвоем? На восток это означало попасть на Танаис, главную водную магистраль Русского каганата, на которой под видом купцов часто скрывались лады разбойников и охотников за рабами, готовые при удобном случае заняться своим основным промыслом.

Еще готовясь к походу ватагой, они с напарником и другими парнями заготовили большое количество воска с тем, чтобы выменять его у Тимолая на дорогие женские украшения, которые могли им пригодиться в пути в качестве денег. Теперь запасы воска они поменяли на двухместную лодку-дубицу. Клыч из дома натаскал немало ломаного железа, за которое Вочила выковал каждому из них по лепестковому копыю, вернее, по наконечнику, которое парни сами прикрепили к древку.

К вымененному на Млаву шлему у Дарника добавилась старая безрукавка Смуги Везучего с вшитыми в двойной бычьей коже железными пластинами, и собственноручно изготовленный малый прямоугольный щит.

– У меня тело не круглое, а продолговатое, поэтому хочу защищать только его, а не пустой воздух, – объяснил он напарнику, необычную форму щита.

Замахнулись они с Клычем и на большую пращницу из тех же ромейских свитков. Высоко между двух деревьев установили брус-перекладину, на которой свободно вращалось коромысло на восемь аршин. На коротком конце коромысла прикрепили большую корзину и два мешка, наполненных камнями, на длинный конец прицепили пращу в полсажени. Оставалось только веревкой притянуть верхний конец к земле и отпустить, и противовес сообщал коромыслу нужный пружинный разворот. Камни с голову ребенка, положенные в пращницу, уносились в чашу с такой стремительностью, что первое время они не могли даже проследить, куда именно те улетели. Зато после недельных испытаний перед пращницей в лесу образовалась целая просека переломанных деревьев и стало понятно, что любые деревянные стены на двести-триста шагов так же обречены на полное разрушение.

В этих занятиях и упованиях у них прошли осень и зима.

Весна в год пятнадцатилетия Дарника выдалась ранняя. Снег и лед быстро сошли и в прозрачном лесном массиве стало тепло как летом. Оставалось подождать только несколько дней, чтобы ночью можно было обходиться без теплой одежды и лишних одеял. Собраны уже были нужные продукты, запасные портки и рубашки.

Но буквально накануне отплытия Клыч огорошил Дарника известием, что родичи требуют, чтобы он женился, мол, уйдешь на все четыре стороны только после того, как оставишь нам своего собственного сына. То же самое, словно по сговору, внушала сыну и Маланка, но Дарник только шутливо отмахивался, прекрасно понимая, что одна с невесткой и внуком мать в своей землянке просто не справится.

Напарнику было сложнее, его уже заставили перейти в землянку к молодой и пока еще бездетной вдове погибшего зимой старшего брата. Клыч пытался оправдываться, говоря, что как только жена забеременеет, он тут же тронется в путь. Дарник ему не верил: после беременности будет что-то еще, потом еще и так до бесконечности. Да и сам чувствовал, как собственная решимость начинает его покидать. Раздражало буквально все: крикливая Бежесть, строгая Каменка, бессмысленные лесные тропы, мелкие ручьи и речушки, даже общение с Вочилой и Тимолаем казалось уже несносным и однообразным. Он словно вынул из них все их знания, и больше они были ему неинтересны.

Мысль об одиночном уходе из Бежети показалась ему сперва совершенно безумной. Одно дело идти за ратной долей всемером или даже вдвоем, не боясь хотя бы лесных зверей, и другое – одному, когда никто никогда не узнает даже как именно ты погиб. Будут вспоминать как самонадеянного безмозглого мальчишку и только. Но чем дольше он думал об этом, тем допустимей все представлялось.

Нужен был лишь какой-то добавочный толчок, чтобы сделать последний шаг. Весь березень-апрель Дарник упорно выжидал, уже зная, что непростительно опоздал: к тому времени, когда он доберется до Корояка, столицы северного княжества, князь со своей дружиной и вольными бойниками уже уйдет в поход.

И тут вдруг после десятилетнего отсутствия в Каменку вернулся княжеский гридь Зрок Весельчак, у которого боевых шрамов было больше, чем царапин у любого из подростков. Весельчаком его прозвали за то, что он никогда не смеялся даже в отрочестве. Жизнь на чужбине сделала его характер еще более угрюмым. Но на такую мелочь мало кто обращал внимание, главное, что он вернулся, бывалый мужчина с целыми руками и ногами и даже с большим кошельком серебряных милиарисиев и дирхем, да еще в сопровождении двух слуг, которые несли всю его тяжелую поклажу от самого Корояка. Любая молодка на Сизом Лугу с вожделием смотрела на него и ждала только, когда детвора и подростки хоть немного отцепятся от удачливого воина.

Один лишь Дарник не разделял общих восторгов. Даже про шрамы высказался, что они бывают только у плохих воинов, хорошие оставляют шрамы у врага, а себя умеют хорошо защищать. Его слова тотчас передали Весельчаку, вместе с рассказом, как Рыбья Кровь рас-

правился с четырьмя заволочцами. Слышать это тридцатилетнему гридю, прошедшему десять лет в походах и даже побывавшему в Романии, было совсем не по вкусу. И уже при следующем появлении Дарника на токовище Весельчак стал задирать его, вызывая на поединок.

– Вот только сражаться на деревянных мечах не для меня. А на настоящих боишься? – с вызовом спрашивал он.

Дарник не боялся, просто не знал, как объяснить пришельцу, что меча у них с Маланкой нет, а просить у Смуги Лысого он не мог и не хотел.

– Мне меч не нужен, у меня есть клевец.

– Как хочешь. Давай и так.

Посмотреть на то, как непобедимый Рыбья Кровь сразится с Весельчаком на Сизый Луг явились все взрослые мужчины Каменки. Их присутствие Дарник воспринял со вздохом облегчения. На глазах родни Зрок вряд ли осмелится убить подростка. Поранить, покалечить – да, убить и быть навсегда изгнанным из Каменки, едва ли. Хотя с другой стороны, может, как раз изгнания Весельчак и не страшился. Отправится опять служить князю своим мечом и только. Словом, размышления Маланкиного сына перед поединком с ветераном-гридем были не самые радужные.

Разительное несоответствие вооружений обоих поединщиков бросалось в глаза даже неискушенным зрителям. С одной стороны, был большой тяжелый меч и нарядный круглый щит со стальным умбоном посередине и железной окантовкой по краю, с другой – невзрачный игрушечный клевец и самодельный прямоугольный щит с поперечными железными ребрами жесткости. Но зрители хранили молчание – дерзкий бежечанин уже давно всем в Каменке надоел и хотелось, чтобы его как следует проучили.

Первый удар меча Дарник парировал, подставив широкую крестовину клевца, второй принял на обитое железом древко, а третий нанес сам, быстрым движением подцепив клевцом как крюком выставленную вперед ногу гридя. От неожиданной подсечки тот мигом растянулся на земле.

Зрители засмеялись. Вzbешенный Весельчак вскочил и обрушил на противника град беспорядочных ударов. Дарник подставлял щит под острым углом, и меч скользил по ребрам жесткости, не причиняя щиту не малейшего вреда. На пятом или шестом ударе Рыбья Кровь подловил противника еще раз и, зацепив меч клювом клевца у самой рукоятки, выбил его из рук Зрока. Ответом был новый взрыв хохота у зрителей. Когда Весельчак в третий раз изготовился к поединку, Дарник сам перешел в наступление и теперь уже гридь должен был проявить все свое умение, чтобы отразить его удары, пугливо при этом отдергивая ноги, опасаясь повторной подсечки. Отступая, он умудрился поскользнуться и вновь оказался на земле. Но силы у Рыбьей Крови тоже были на исходе, поэтому, ринувшись вперед, он наступил ногой на меч противника, а крестовиной клевца придавил Весельчаку беззащитное горло. Вздох разочарования прошел по рядам зрителей.

Любой другой на месте Дарника только радовался бы такой победе, но сын Маланки вместо торжества сразу понял, что вся его прежняя жизнь оказалась разом перечеркнутой. И дело было даже не во враждебном отношении каменчан, просто уже тогда начало проявляться его удивительное свойство: бояться своих побед больше, чем поражений. Поражение что? Не досмотрел, не додумал, недооценил. А победа – это всегда шаг к еще большему поражению. Когда ты загордишься, вознесешься, тут тебя поражение и подкараулит. Обмануть судьбу можно, лишь все время переходя на какую-нибудь новую ступеньку, чтобы злые завистливые силы не могли тебя быстро достать.

Не радовался он еще и потому, что прекрасно понимал, что отныне обрел в Весельчаке смертельного врага, которого надо всячески опасаться. Поэтому и бегство из дома в одиночку уже не казалось таким рискованным, по сравнению с тем, что ему все время придется остерегаться конкретного человека, который не успокоится, пока не отомстит за свой позор.

Маланка, узнав о поединке, больше всех гордилась сыном и жалела только о том, что не видела саму схватку. С его доводами о необходимости срочного отъезда она тоже согласилась и не только не отговаривала, а сама помогла ему собраться в дорогу. Впрочем, о том, что он отправляется в Коряк не с ватагой, а совершенно один Дарник так и не рискнул ей сказать.

Четыре человека по-разному напутствовали Дарника. Кузнец Вочила подарил хазарские сапоги с закругленными носами и посоветовал никогда ничему не удивляться, мол, все, что ты увидишь, сделали такие же люди, как и ты. Ромей Тимолай наказал все просчитывать как в игре в затрикий на несколько ходов вперед и больше проявлять к людям снисходительности – ведь все мы несовершенны. Из своей землянки меняла вынес два свитка, на одном была карта Хазарского и Русского каганата, на втором – расчеты перевода денежных единиц, мер веса, длины и площади из одних исчислений в другие.

Маланка просила сына хоть иногда проявлять уступчивость. Про то, чтобы он берег себя, не было сказано ни слова. Самый неожиданный совет дала шептуха Верба: никогда не бояться дурных примет и предсказаний – только тот, кто верит в них, на того они и обрушиваются. Не обошлось и без дорогого гостинца, им стал плащ-накидка с капюшоном из тонкой телячьей кожи. Дарника сильно смутил женский капюшон, но Верба не дала ему отказаться: то, что в селище зазорно, в пути будет в самый раз. Или ты можешь бояться чужого суждения?!

С Клычем Дарник решил совсем не прощаться – пусть тот сколько угодно рождает сыновей и тешит себя мыслью, что когда-нибудь станет настоящим воином.

6

Покидал свой Черный Камень он в самый ранний час, чтобы никто из Бежети не увидел его. От многих приготовленных вещей пришлось отказаться – что хорошо было для двоих, для одного оказалось весьма обременительно. Только лук, клевец, топорик, наконечник для лепесткового копья, пращу-ложку и торбу с провизией и одеждой.

Ходко преодолев десятиверстный путь до Каменки, Дарник обошел ее стороной, отыскал спрятанную в прибрежных кустах дубицу и столкнул на воду. Первую половину дня греб веслом бойко, стремясь побыстрее оторваться от знакомых мест. Речушка постепенно распалась вширь. Если у Сизого Луга ее можно было с разгона легко перепрыгнуть, то к вечеру удалось бы перейти только вброд, да и то не во всех местах. Кроме пернатой и четвероногой дичи ничего не видел. Пристав к заболоченному берегу, он перекусил вяленой рыбой и двумя луковицами, а потом, задвинув дубицу в глубь густого ольшаника, прямо на ее дне и заночевал, завернувшись в плащ Вербы.

На следующий день плыл уже поспокойней, первое волнение улеглось, и теперь при любой неожиданной встрече он готов был действовать не как заблудившийся испуганный бежечанин, а как бывалый лесной бродяга. Каменка еще больше расширилась, и лесной полог над ней окончательно разомкнулся, отчего Дарник сразу же почувствовал себя крайне неудобно – лес словно выставил его наружу и спрятал других своих обитателей под непроницаемой береговой листвой. Как никогда остро чувствовалось отсутствие Клыча, и собственная спина казалась совершенно незащитной – метнуть в нее стрелу, нож, топор, и никто не крикнет, не подаст сигнал. Все мои воины всегда будут иметь надежного напарника, дал он сам себе зарок.

Когда справа на небольшом обрыве показался плетень незнакомого селища, Дарник весь напрягся, ожидая встречи с людьми. Но тревога была ложной – селище оказалось брошенным. Высадившись на берег, он с любопытством обошел полусгнившие землянки, чтобы определить, почему они брошены, и узнать об их обитателях что-либо особенное. Понять, почему брошены, было не трудно – оскудела земля, вот и перебрались на новое место. Из незнакомых новшеств Дарник нашел лишь глиняные трубы над очагами, да прохудившуюся бочку в одном из жилищ. Бочка была сделана не из одной колоды, как в Бежети, а собрана из разных доще-

чек – Дарник долго дивился, как их ловко выстругали, чтобы они тесно, без щелей подошли одна к другой.

И снова путь вниз по реке. На широком затоне он увидел множество не пуганых птиц, которые нехотя уступали место дубице. Руки невольно потянулись за пращей. Подстрелив крупного гуся, он на берегу изжарил его на костре и целиком в один присест съел. Жизнь путника оказалась не так плоха, как можно было ожидать. Даже когда пошел мелкий теплый дождь, он не стал укрываться, а, накинув плащ, продолжил свое плаванье дальше. Бодрое настроение постепенно испарялось, сказывалось постоянное напряжение – он уже сам хотел того внезапного нападения, которого больше всего опасался.

Их было трое, этих охотников за рабами, – бородатые, в безрукавках из овечьих шкур, они, въехав на своих лохматых лошадях прямо в реку и размахивая сулицами, приказали ему поворачивать к берегу. Наречие их заметно отличалось от того, на котором говорили в Бежети, но понять можно было.

Пристав к берегу и кинув им торбу с продуктами и одеждой, он дождался, когда они спешатся, отставят в сторону сулицы и сунутся развязывать торбу, после чего вытащил из-за спины свой клевец и молча, без предупреждения обрушился на всех троих. Бил обушком не насмерть, а лишь чтобы опрокинуть и оглушить. Поединок с Весельчаком пошел впрок, теперь Дарник хорошо знал возможности своего оружия и действовал наверняка. Только третий, самый рослый, из охотников успел отпрыгнуть в сторону и броситься наутек, но и его удалось зацепить ударом по ногам, причем Дарник немного промахнулся, и удар обушка раздробил косточку на щиколотке беглеца.

Связав двух первых охотников, которые уже стали приходить в себя, Дарник присел на землю, чтобы решить, как быть дальше.

– Кто ты такой? – угрюмо спросил охотник с кривым носом, его, как потом выяснилось, так и звали Кривонос.

Раненый тихо стонал, держась двумя руками за разбитую ногу, и бормотал угрозы в адрес полоумного юнца.

Дарник не отвечал, понимая, что любой его ответ будет слабостью, которую он после своей победы не мог себе позволить. Больше всего его смущала раздробленная щиколотка третьего охотника. Отпускать пленных нельзя, но тащить с собой увечного?.. Наконец решение было принято. Развязав Кривоноса, он протянул ему нож и указал на раненого:

– Убей его!

– Лучше оставим его здесь, – попробовал возражать тот.

– Убей! – Дарник красноречиво перехватил руками клевец, давая понять, что произойдет, если тот не подчинится.

И Кривонос испуганно подчинился: одной рукой отвел руки раненого в сторону, а второй вонзил нож в самое сердце. Третий рыжебородый охотник лишь тупо наблюдал, никак не реагируя.

Дарник и сам не знал, почему отдал такую команду. Уж очень много в Бежети и Каменке говорили о первом убийстве врага, которое, де, всегда дается нелегко. Вот и захотелось, чтобы одновременно было и убийство, и как бы его не было. Заодно общей кровью были повязаны и охотники, признав его тем самым своим новым главарем. Можно было на время не бояться их предательства. Удар в спину последует, только если они надолго останутся без пищи. Здесь, как в волчьей стае: вожак до тех пор вожак, пока обеспечивает остальным безопасность, обилие еды и отсутствие необходимости принимать собственные решения. И ни в коем случае нельзя было им показывать, что он не знает, что делать, следовало действовать уверенно и решительно. Жестом он приказал Кривоносу развязать рыжебородого.

– Закопаем? – спросил тот, кивая на убитого.

– Клади в дубицу, – распорядился Дарник.

Отстегнув у мертвого товарища кошель со звякнувшими монетами, забрав оружие, безрукавку и сапоги, охотники уложили тело в дубицу и, получив утвердительный кивок Дарника, столкнули лодку на середину реки. Дарник проводил взглядом дубицу без всякого сожаления. Два безопасных дня, проведенных на ней, и так были неплохим подарком судьбы, и если есть возможность пересечь на лошадь, то какие могут быть сомнения.

– Это все? – спросил он, указывая на лошадей.

– Нет, не все, – сказал Кривонос.

Пройдя вглубь леса, они вышли к стану охотников, где находилась еще одна лошадь с волокушей, стояли два шалаша, а под деревом сидели связанные двое рабов: круглолицая некрасивая девушка и тщедушный подросток одних лет с Дарником. Таким образом, количество тех, кого ему предстояло обеспечить едой и заботой, сразу увеличилось вдвое.

Первым делом новый вожак ватаги приказал развязать рабов. Некрасивую девушку звали Вета, освобожденная от веревки, она продолжала сидеть возле дерева, глядя перед собой пустыми глазами. Подросток по прозвищу Селезень проявил большую живость. Тотчас же признав в Дарнике главного и симпатичного хозяина, он беспрестанно вопросительно заглядывал ему в глаза, словно выпрашивая, что надо немедленно сделать. Для Дарника это было совершенно новое ощущение – поминутно кем-то распорядиться. В своих мечтаниях он всегда готовился командовать большим войском на ратном поле, или при взятии крепостей, но вот так, в бытовой повседневности – был совсем не готов. Выручило воспоминание о наказе в одном из ромейских свитков, что безделье для воинов самое главное зло. Теперь оставалось только беспрестанно придумывать и отдавать команды своей маленькой ватаге.

Солнце уже пошло на закат, дождь продолжал накрапывать, поэтому выступать в путь не имело смысла. Немало дел можно было найти и в самом стане. Кривоноса с рыжебородым, которого за цвет бороды звали Лисич, Дарник отрядил готовить жерди с острыми сучьями для подковообразной ограды. Вету с Селезнем отправил с пустыми мешками нарезать траву для лошадей. Сначала он думал, что где-то бродят другие сотоварищи охотников. Но, осмотрев доставшееся имущество, понял, что здесь вся ватага. Действительно, двух-трех человек было вполне достаточно для захвата отошедшей от селища по ягоды-грибы девушки или подростка-пастуха. Вооружение у охотников было тоже не ахти какое: топоры, луки, сулицы и два кистеня. Еще имелись пила, лопата, запас наконечников для стрел. Небольшая торба пшена и ржаных лепешек свидетельствовала, что не так давно они встречались с местными смердами. Отсутствие ценных вещей, кроме трех дирхемов в кошеле убитого, ясно говорило о неудачности их воровской жизни. По более нарядному оружию он выяснил, что убитый был главарем охотников, причем главарем, не очень подходящим для своей роли, раз так легко произошла его смена.

Когда охотники натаскали достаточно жердей, Дарник указал, как именно их надо укладывать, и скоро вокруг шалашей выросло полукольцо ограждения, через которое без шума пролезть не мог ни человек, ни крупный зверь. У входа в полукольцо горел костер, надежно оберегая от хищников. Лица обоих охотников при окончании работы заметно помягчили – сделанное своими руками укрепление пришлось им по вкусу.

Наблюдая за ними, Дарник все время ждал, что они, рассмотрев его как следует, непременно устыдятся подчиняться пятнадцатилетнему юнцу. Привыкнув к такому отношению к себе со стороны взрослых в Бежети, Дарник совершенно не представлял, как он выглядит для незнакомых взрослых. Несмотря на отроческий возраст, у него было крепкое телосложение, лицо не совсем чистое и гладкое, глаза светились умом и смелостью, движения отличались слаженностью. Поэтому, когда он через какое-то время сказал своим спутникам, что ему двадцать лет, те приняли это за чистую монету.

Его надежда на то, что, воспользовавшись случаем, Вета с Селезнем сбегут, не сбылась. Те раз за разом отправлялись в лес и тут же возвращались с полными мешками травы. Скоро ее

хватало уже и для лошадей, и на подстилку. Приказав рабам готовить еду, Дарник занялся охотниками. Пока они работали, он приготовил шесть одинаковых палок в аршин длиной и теперь предложил, вернее, велел устроить на парных палках поединок: двое против него одного. Охотники подчинились не очень охотно, но, получив первые удары по бокам, оживились и принялись атаковать Дарника со всей ретивостью. Определенная сноровка у них была, но вот быстроты и изощренности приемов сильно не хватало. За весь поединок ни одному, ни другому так и не удалось коснуться своими палками тела юного противника, зато сами по бокам, рукам и ногам всевозможных, хоть и несильных ударов получили предостаточно. Селезень, раскрыв рот, с восторгом смотрел, как они дерутся. Вымотав, как следует охотников, Дарник передал палки мальчишке. С ним, правда, уже не сражался, а только показывал, как нужно нападать и защищаться с двух рук, давая, возможность охотникам понаблюдать со стороны. Как он и рассчитывал, его умение произвело на них должное впечатление. Чтобы окончательно поставить их на место, он очертил на дереве круг и устроил состязание по метанию легких копий. Разумеется, брошенные им сулицы попадали в середину мишени в несколько раз точнее.

Когда еда была готова, все собрались возле костра, причем Дарник каждому указал его место. Чашки с кашей и жареным салом раздавал по определенному ранжиру: сначала себе, потом Кривоносу, Лисичу, Селезню и Вета. На правах вождя-жреца принес жертву предкам, то, чего никогда раньше не делал: сыпанул щепотку каши в огонь. Его примеру последовали и остальные, а затем, вслед за Дарником, приступили к еде.

Пока ели, Дарник мысленно решал вопрос, как обезопасить себя от сговора охотников между собой. Сначала хотел их просто разделить, чтобы один был старшим над мальчиком, а другой подчинялся лично ему, Дарнику. Но затем передумал.

– Вы будете напарниками, ты старший, – сказал он Кривоносу, – а ты младший, – ткнул пальцем в сторону Лисича. – Я буду говорить старшему, а он младшему. Селезень и Вета будут подчиняться только мне. Понятно?

Чего уж тут было непонятно? Чтобы закрепить новый порядок, он отозвал Кривоноса в лес и устроил с ним первый военный совет, вернее, простой допрос: говори, кто вы и откуда, но выглядело, как действительно тайный совет со старшим бойником, что, конечно, должно было порядком уязвить Лисича. Что поделаешь – об этом тоже говорилось в свитках: разделяй и властвуй.

Из сбивчивого рассказа Кривоноса выяснилось, что все трое (вместе с убитым) раньше входили в большую ватагу других охотников. Но не поделили между собой добычу, и Рваный, так звали их вожака, увел их с собой. Сначала ими был захвачен у дальнего северного селища Селезень, а чуть позже Вета. Думали захватить еще одного-двух рабов и продать их в Перегуде или даже Корояке. О себе Дарник ничего говорить не стал, а Кривонос не решился спрашивать.

На ночь лошадей привязали внутри ограды перед нарезанной травой, а дежурить у костра Дарник назначил Селезню, слишком он ему надоел своим желанием угодить. Лучший шалаш Дарник занял сам вместе с Ветой. В другом на ночлег расположились охотники. Все распоряжения юного вожака уже воспринималось ими как должное. Никто не догадывался, что все у него происходит впервые. Даже Вета, когда он лег рядом с ней на лосиной шкуре, не поняла, что имеет дело с девственником, приняв его действия за особые привычки.

Так в один день для Дарника сошлись воедино первое убийство, первое главенство над взрослыми вооруженными людьми и первая женщина. Больше всего он был доволен убийством. Как бы сейчас пришлось возиться с раненым, проявляя неуместную жалостливость. И еще неизвестно, на ком больше вина: на нем приказавшем, или на Кривоносе, исполнившем приказание. С главенством тоже получалось не трудно, надо только заранее подготовиться к следующему дню, и все будет как надо. Простота обхождения с женщиной и разочаровала, и принесла облегчение. Дарнику даже показалось, что он нашел лучший способ такого обхож-

дения: надо не смотреть на нее долго издали, попадая в подчинение собственной страсти, а просто прийти и взять свое, и тогда ты по-прежнему сам себе хозяин.

Вета давно уже спала, а он все лежал и думал, чутко прислушиваясь к окружающим звукам, особенно к тем, что доносились из шалаша охотников. Короткая майская ночь пролетела незаметно. На рассвете Дарник взял пращу и клевец и выбрался из шалаша. Селезень спал у погасшего костра, привалившись к трухлявому пеньку. Дарник вывел из ограды лошадей и пустил их на длинном поводу пастись на поляну, потом направился в лес, держа пращу наизготовку. Не успел отойти от стана и сотню шагов, как косуля сама выскочила на него и на мгновение замерла, пораженная, дав ему возможность сделать бросок. Камень угодил животному в основание рогов, не пришлось даже добывать. Никогда еще не было у Дарника столь быстрой удачной добычи.

Его спутники еще только просыпались и выползали из шалашей, когда Рыбья Кровь сбросил к их ногам уже освежеванную тушу косули. Сбросил с нарочитым равнодушием, словно совершил самое обычное дело, лишний раз заставив охотников и рабов переглянуться: как им повезло с новым вожаком.

Пока Вета с полусонным Селезнем готовила еду, Дарник снова устроил состязание с охотниками на палках. Сам сражался вполсилы, намеренно давая Кривоносу и Лисичу войти во вкус и почувствовать большую уверенность в собственных силах. Но большую не значит победную – до себя их палкам он опять так и не дал дотронуться. Палочный поединок был дополнен метательным состязанием, на этот раз метали топоры и ножи. В завершение вожак показал возможности своей пращи-ложки и приказал охотникам вырезать себе по такой же, дабы не тратить зря железные наконечники стрел.

После еды последовали еще более неожиданные распоряжения. Вете – своим деревянным гребнем расчесать свалявшиеся волосы и бороды охотников и самой впредь не ходить выпятив вперед живот. Селезню – держать закрытым свой вечно открытый рот. Кривоносу – поменять прохудившиеся сапоги Лисича на хорошие сапоги Рваного.

Когда собирались в путь, только и слышно было, как Кривонос покрикивает на Лисича, а тот вяло оправдывается за свою неуклюжесть. Дарник не вмешивался, давая укрепиться раздору между прежними товарищами.

С волокушей по лесным дебрям пробираться было не очень сподручно, да и шумно, поэтому Дарник велел ее бросить, а груз распределить на двух лошадей. В число второй выючной лошади попала кобылка Лисича, что было сделано тоже с расчетом. Старшие напарники пускай едут верхом, младшие шагают рядом.

В путь выступили, когда солнце стало заметно припекать. Седла у лошадей были со стремянами, и охотники снова отметили про себя, как Дарник со знанием дела вдел ногу в стремя и легко вскочил на спину мерина Рваного – у их юного вождя действительно не видно было никаких недостатков.

Кривонос предлагал двинуться на север, мол, там больше селищ и городищ, но у Дарника были свои планы, поэтому двинулись в юго-восточном направлении прямо через нехоженные леса на Коряк. На вопрос Кривоноса будут ли они добывать новых рабов, Дарник только хмыкнул, сказав, что теперь они будут добывать рабов по-другому. Как «по-другому» объяснить не стал, да охотникам особых разъяснений и не требовалось – на любом направлении и без того их ждало немало неожиданностей, в этом сомневаться не приходилось.

7

Три дня пробирались они по лесу, проходя не более восьми-десяти верст и не встречая никаких поселений. Дарник постепенно входил в роль вожака, а спутники привыкали к нему. Лес местами был совершенно непроходим, и дорогу прокладывали с помощью топоров. Ино-

гда просто плутали, обходя большие заболоченные места и буреломы, однажды всю ночь шел дождь, потом кончились пшено и ржаные лепешки. Ватага постепенно втягивалась в порядок, заведенный Дарником: обязательное строительство ограды вокруг места ночевки, боевые упражнения два раза в день, строгое выполнение любой его команды. Когда охотники, быстро освоившись со сдержанным и на первый взгляд добродушным нравом своего главаря, позволили вести себе чуть развязней, чем следовало, Дарнику пришлось основательно поколотить Кривоноса, чтобы тот не прекословил, а слепо повиновался. И опять всех поразило, что он устроил взбучку совершенно невозмутимо, без всякого гнева, раздражения и крика. Они уже знали его бежецкое прозвище Рыбья Кровь, но оно им, особенно после избиения Кривоноса, внушало только трепет и почтение.

Селезень менялся на глазах. Из испуганного неловкого подростка превращался в смысленного расторопного отрока, быстро осваивал любое оружие и научился на привалах задавать вожаку нужные вопросы, отвечая на которые Дарник объяснялся не только с ним, но и с остальными членами своего маленького отряда. Так, о своем отце Маланкин сын сообщил, что тот был выборным судьей трех городищ, а о своем стремлении попасть в Корояк – что именно там им всем суждено сделать выбор: поступать на княжескую службу или подаваться в вольные бойники. Показал Дарник Селезню и остальным и карту Хазарского и Русского каганатов со всеми их городами и торговыми реками, заодно как бы невзначай продемонстрировал свое знание словенской грамоты, что сняло последние сомнения в его знатности и обоснованности честолюбивых замыслов.

С Ветой получалось не так складно. Она тоже была достаточно исполнительна, вот только никогда не знала, что именно ей надо исполнять. Даже к своим ежедневным поварским обязанностям приступала лишь после напоминания. Хорошо еще, что днем она никак не пыталась заигрывать с Дарником, как это делали подружки парней на Сизом Лугу. Не пыталась и ночью, лишь покорно позволяя Дарнику делать то, что ему хочется. Он за отсутствием опыта принимал ее пассивность как нечто естественное и должное.

К исходу четвертого дня они вышли к Тростецу, городищу на полуострове, образуемом развилкой двух мелких речек. Вместо землянок здесь были высокие деревянные избы, вместо неказистого плетня – крепкий дубовый тын с воротами, которые охранял вооруженный стражник. Вернее, это был обычный парень в простой рубахе, любезничавший с какой-то молодой, а его щит, копьё и секира лежали рядом на траве. При виде вышедшего из леса маленького отряда он миглом застучал обухом секиры по висевшему рядом с воротами куску железа. Женщины, стиравшие белье на берегу речки, тут же подхватили игравших поблизости детей и поспешили к воротам.

Дарник дал знак своим остановиться, спешился и направился к городищу один.

Ему навстречу из ворот вышел крепкий седовласый мужчина с серебряным оберегом на шее. Его сопровождали трое мужчин с коротко стриженными бородками. У всех на поясе висели мечи. Позади, в воротах и за тыном виднелись другие любопытные.

– Мы в Тростец чужаков не пускаем, – сказал староста после обмена обычными приветствиями. – Купцы торгуют прямо здесь. – Он указал на покатый луг, спускавшийся к реке, который действительно был сильно утоптан и усыпан всяким мусором. Но кроме долбленок самого городища, других судов на берегу не было.

– Мы не торговать. Мы идем в Корояк на княжескую службу и возьмем тех, кто захочет с нами пойти. Можно ли до рассвета остановиться здесь? – Дарник указал на пустое торжище.

– Ну что ж останавливайтесь, – неохотно сказал староста, видимо, успокоенный малым числом чужаков. – Но отроков мы вам не дадим. Те, кто хотел, ушли месяц назад.

Дарнику достаточно было, что его слова слышали все, кто стоял поблизости.

Как он и предполагал, не успели его подручные поставить шалаши и зажарить на костре оленину, как к их стану приблизилась группа из пяти парней по 17-18 лет. Все рослые, подтянутые, в опрятной одежде и с расчесанными волосами.

Рыбья Кровь делал вид, что целиком занят снаряжением стрел, рядом на траве лежал верный клевец.

– К князю приходят со своим мечом, а где ваши мечи? – обратился к Дарнику самый бойкий из тростенцов с красивым румяным лицом.

– Зачем тащить лишнюю тяжесть, если можно взять ее прямо на месте, у врагов.

Парни дружелюбно засмеялись.

– Но князь уже в походе, вы опоздали.

– Из похода вернутся не все, князю нужны будут новые гриди.

– На зиму он новых гридей не набирает, – гнул свое бойкий.

– Тебе-то что за дело? Ты же к князю с нами не пойдешь, – ответил Дарник.

– Если бы знать, что возьмут, то пошел бы.

– Это если мы тебя еще с собой возьмем. Берем лишь того, кто выстоит против меня, пока не прогорит эта палка. – Дарник указал на небольшую валежину.

Глаза бойкого загорелись, но кроме ножа на поясе у него другого оружия не было.

– А если на кулаках?

– Можно и на кулаках, – согласился Дарник, поднялся с коряги, достал свои бойцовые рукавицы и приготовился бросать в костер валежину.

Бойкого звали Лузгой, у него были широкие плечи, легкие упругие ноги и здесь он был, видимо, первым бойцом. Но в Тростеце, как и в Бежети, еще не владели прямым ударом костяшками пальцев, и после первого же хорошего выпада Лузга упал на землю с окровавленным ртом. Вторым вызвался толстый молодец по имени Борть, не уступающий Дарнику в росте, но предложил не драться, а бороться, от чего Дарник благоразумно отказался, мол, занимайся борьбой с девками, а не со мной.

Потом в ход пошли парные палки. Парни один за другим выходили против Дарника, однако не только не могли выстоять положенный срок, но после трех-четырех ударов по рукам и торсу живо обращались в бегство. Не убежал лишь один, кудрявый, жилистый, со шрамом через весь лоб, он старался не только парировать удары, но и сам нападал, не обращая внимания на боль, и лишь сильный удар палкой по голове заставил его в беспамятстве рухнуть на землю.

– Вот его бы я взял, – сказал Дарник зрителям, с удивлением обнаружив, что тех стало в три раза больше, были среди них и девушки. В отличие от бежецких и каменецких молодок они были хорошо ухожены и в нарядной одежде.

– Как тебя зовут? – спросил Лузга, когда желающие получить побои закончились.

– Дарник Рыбья Кровь.

Кто-то из парней хохотнул.

– А почему Рыбья Кровь? Это девки тебя так прозвали? – любопытствовал толстяк Борть.

– Потому что еще никому не удавалось меня разозлить.

– Неужели один только Меченый достоин? – кивнул Лузга на приходящего в себя кудрявого паренька.

Вместо ответа Дарник предложил парням попытать счастья в метании сулицы и топора.

И Лузга, и толстяк Борть владели сулицами гораздо ловчее охотников, а Меченый отличался великолепной стрельбой из лука. Вместо собственных бросков Дарник показал молодым тростенцам другое: с десяти шагов Кривonos и Лисич метнули в него четыре сулицы и все четыре он поймал за древко в верхушке от собственной груди. Такого здесь никогда не видели.

Если и были обиды за полученные побои, то они оказались мигом забыты – от такого бойца не грех и пострадать.

Договориться, впрочем, так ни до чего и не удалось, – едва стало смеркаться, пришел один из стражников и погнал парней в городище. Те с неохотой подчинились, оставив Дарника в сильном сомнении относительно пополнения своих рядов.

К ночи начался дождь, и ватага попряталась в шалашах. Внешнюю ограду не выставляли – неизвестно было, как к этому отнесутся жители городища, а еще к ним добровольным сторожем прибилась одна из собачонок, что была с парнями. Прикормленный Лисичем куском мяса пегий песик тут же определил, что в человеческой стае главный все же Рыбья Кровь и вился только возле него, хотя юный вождь не делал ни малейшей попытки приласкать или покормить его.

Кривонос, который во время боевых игрищ безуспешно пытался выменять у тростенцов оленину на хлеб, пожаловался:

– Меня от мяса уже воротит. Хлеба хочу.

– Завтра у нас будет хлеб, – пообещал ему Дарник, отнюдь в этом не уверенный.

Ранним утром ватага Дарника тронулась в путь, увеличившись ровно вдвое, – кроме Лузги, толстяка Бортя и Меченого к ним присоединились еще две милovidные девушки-подружки Черна и Зорька, которые прямо заявили, что им лучше быть наложницами храброго богатыря в Корояке, чем прозябать чьими-то женами в Тростеце. У девушек было по два карава я ржаного хлеба и четыре дирхема их «приданого», и Дарник сделал перед охотниками вид, что именно так им все и задумывалось.

Парни взяли с собой по круглому деревянному щиту с железным умбоном посередине и настоящему мечу, а Лузга вообще явился на оседланной лошади, что вызвало ревнивое недовольство Кривоноса и Лисича, ведь меч, а тем более конь делал парней сразу более важными воинами, чем они. Рыбья Кровь легко разрешил их досаду, разделив ватагу на новые пары: Кривоносу достался Лузга, Лисичу толстяк Борть, а упрянца Меченого взял в напарники к себе. Кладь с кобылки Лисича Дарник приказал переложить на лошадь Лузги. Больше всех доволен перестановкой остался Лисич: и тем, что снова ехал верхом, и уравнием себя в старшинстве с Кривоносом. Сам Лузга не возразил ни слова, покладисто принимая все условия своей новой жизни.

Боясь из-за девушек погони их старших родичей, отряд долго шел по руслу мелкого ручья, а, выйдя на лесную тропу, рубил и валил за собой молодые деревья, создавая возможным преследователям помехи. Вскоре они пошли по руслу другого ручья и только к полудню уверились, что погони нет.

Местные тропы были гораздо лучше проторены, и Лузга уверенно показывал нужный путь. Дарника смущала лишь ситуация с девушками, слишком игриво они поглядывали в его сторону, а тут еще и Вета, что ему делать с ними тремя? Затруднение само разрешилось на первом дневном привале. Пока охотники и парни занимались приготовлением к еде и отдыху, Черна и Зорька позвали Дарника в лес. Там они принялись всячески играть с ним, упрашивая сделать их настоящими воинами. Шлепки и касания закончились тем, что они все трое оказались лежащими в траве без одежды в веселом и непринужденном переплетении. Как и Вета, тростенчанки восприняли новую для себя роль совершенно естественно, но если с рабыней это было простое молчаливое соитие, то с ними – как некий радостно-праздничный ритуал.

– Разве я похож на храброго короякского богатыря? – чтобы скрыть неловкость, пошутил, чуть отдышавшись, бежецкий вожак.

– Если мы будем каждый день называть тебя богатырем, то ты им станешь! – уверенно ответила более бойкая Черна.

– Она просто боится, твоих бородатых, – объяснила за подружку Зорька.

– А то ты не боишься? – воскликнула Черна и с тревогой поинтересовалась у Дарника: – Ты ведь нас никому не отдашь?

– Только более храброму короякскому богатырю, – пообещал Маланкин сын.

Вернувшись к стану, он пристально взгляделся в лица тростенецких парней: как они отнесутся к происшедшему с их двоюродно-троюродными сестрами? Конечно, по лицам девушек все сразу поняли, что именно случилось с ними в лесу, но отнеслись к этому со снисходительными улыбками, как к чему-то само собой разумеющемуся и даже обязательному. Дарник невольно примерил то же самое на своих бежецких братьев – там бы такое встретило совсем другой прием.

И парней, и охотников гораздо больше заботило их неожиданное слияние в одну ватагу, хотелось, как можно скорей обрести в своих малознакомых спутниках добрых надежных друзей. Не было никаких стычек и перебранок, напротив, каждый, включая даже охотников, стремился быть благожелательным и радушным. Лузга считался не только первым бойцом, но был душой любой компании. На замечания Кривоноса отвечал с такой веселой готовностью слушаться, что тому нечего было возразить. С Дарником он держался подчеркнуто сдержанно, но даже это не мешало ему быть в центре всеобщего внимания. Черна с Зорькой тоже все время показывали, что гордятся своим двоюродным братом. Так, после полуденной еды они принялись упрашивать его почитать «ну, вон, ту, нашу любимую, бэль». Не заставив себя долго упрашивать и спросив у Дарника разрешение, Лузга достал из своей котомки пергаментный свиток и стал его вслух читать.

Это была история про юношу, который, будучи околдован злой колдуньей, сильно влюбился в девушку, и чтобы соединиться с нею, ему приходится пройти ряд тяжелых испытаний. История читалась, видимо, не один десяток раз и столько же раз имела успех, потому что все тростенцы внимательно слушали, для первой же половины ватаги она была вообще, как великое откровение: рты раскрыты были не только у Веты и Селезня, но и у охотников. Неблагодарным слушателем оказался один Дарник. Во-первых, нечто похожее ему уже приходилось читать у себя на Черном Камне, во-вторых, искоса посматривая на лица ватажников он не то чтобы ревновал их к неожиданному чтецу, но с досадой упрекал себя, почему не захватил с собой подобных рассказов.

При окончании чтения все замолчали, ожидая слов вожака – его холодность не осталась не замеченной.

– Все очень хорошо, – похвалил Дарник. – Мне просто завидно, что все это произошло не со мной.

Ватажники добродушно рассмеялись – похожее чувство было и у них самих.

Вместо привычного молчания и тишины теперь их отряд двигался вперед с постоянными шутками и смехом. Несколько раз тростенцы даже запевали песни, и опять громче и звонче всех звучал голос Лузги. Дарник чувствовал легкую растерянность – какая-то часть власти переходила от него к общительному и веселому парню. Надо было срочно исправлять положение.

И вот вечером, после еды и боевых упражнений, когда Лузга взялся за еще один свиток. Дарник предложил для прочтения свою собственную грамоту. Развернул свиток с расчетами перевода денежных единиц, мер веса, длины и площади и «прочел» по нему историю про воеводу, который хотел приучить своих воинов к большим прямоугольным щитам. Щит был тяжелым по сравнению с прежними небольшими щитами, и воины при всяком удобном случае их «теряли». Тогда воевода приказал всем воинам зашить свои карманы и отобрал кошель, а все их монеты велел запрятать в круглый выпуклый умбон посередине щита. С тех пор ни один щит в его войске не был потерян, – даже когда воина убивали, его щит оставался в войске. Громкий хохот слушателей был ответом на эту немудреную историю, всем понравилась

находчивость воеводы и наказанная жадность бойников. Лузга тоже был в полном восторге и попросил прочитать свиток глазами. Дарник с некоторым сомнением протянул ему свиток.

– Я не пойму, что здесь написано, – удивился тростенец.

– Написано на старом словенском языке, – объяснил Рыбья Кровь.

– Ого! – восхитился Лузга, а с ним и все остальные.

После этого можно было не сомневаться – полной власти Дарника уже ничто повредить не могло, тем более, что, кроме Лузги, других грамотных в ватаге не было.

С каждым привалом боевые упражнения становились все более разнообразными и изощренными. Ватажники уже не только оттачивали личную ловкость, но практиковались и в групповой рукопашной: разбившись на две тройки, отрабатывали сомкнутые столкновения, чтобы освоить чувство локтя и совместимость общих действий. К коротким палкам, означавшим мечи, добавились длинные палки, как замена лепестковых копий. Пришлись по вкусу тростенцам и праща-ложка.

Часто за палки брались и Черна с Зорькой, но упражнялись они пока с одним Дарником. Обе подружки хорошо дополняли друг друга. Если Черна в их паре была носом и ртом, всегда чувствуя, что надо делать и говорить, то младшая Зорька была глазами и ушами, пристально следила какое действие поведение Черны оказывает на окружающих, и готова была ее вовремя одернуть. Дарник такое разделение обязанностей только приветствовал: на живость и озорство Черны он реагировал с ответной веселостью, а тихая манящая застенчивость Зорьки вызывала в нем особую теплоту.

И опять, как в случае с зарвавшимся Кривоносом, Дарнику пришлось придумывать способ немного осадить подружек. На третье утро, когда Черна в очередной раз стала проситься упражняться вместе со всеми, он достал веревку и привязал ей правую руку к туловищу. Предлог для этого был простой: если ты будешь сражаться, то тебя могут ранить и изувечить, представь, что у тебя не будет одной руки, и если к вечеру ты повторишь свою просьбу, то будешь упражняться вместе со всеми.

Черна с готовностью приняла вызов, весь день все делала одной рукой и почти уже привыкла к этому, но ее добила послеполуденные любовные забавы с Дарником, когда он все внимание уделял только Зорьке, а ей со смехом сказал, что однорукие наложницы ему не нужны. Словом, быть амазонкой из свитков Лузги ей к вечеру уже расхотелось.

Но, поставив таким образом бойкую девушку на место, Рыбья Кровь с удивлением заметил, как приуныли не только парни-тростенцы, но и тридцатилетние охотники – уж слишком нагляден был пример с их собственным возможным увечьем. Необходимо было перевести их мысли на что-то более обнадеживающее.

Не нашел ничего лучше, как заинтересовать их простейшими знаковыми и счетными навыками, чтобы они могли в разведке пересчитать число врагов и без звуков на расстоянии объясняться друг с другом жестами.

– Мы и так умеем считать, – беспечно возразил Лузга.

Тогда Дарник подвел его к муравейнику и попросил: сосчитай. Лузга с недоумением уставился в муравейник и сказал, что это невозможно.

– А если так? – Дарник начертил у основания муравейника маленький квадрат.

– Здесь можно, – все еще не понимая, согласился тростенец.

– А если этот квадратик умножить на весь муравейник?

– А что такое умножить? – спросил Лузга, необходимость в таком подсчете до сих пор ему в жизни не встречалась.

Раз запавшее желание не давало Дарнику покоя и тем же вечером он «прочел» ватажникам по расчетам мер и весов свою самую любимую историю о Князе Пяти Оружий и великане-людоеде Липкие Волосы. Как князь боролся с великаном стрелами, копьем, мечом, булавой и кулаками, но все это тут же прилипало к волосам людоеда. И когда великан собрался уже

съесть князя, тот сказал, что в животе у него есть еще одно оружие – удар молнии, от нее они оба погибнут. Людоед испугался и отпустил князя.

Ватага, выслушав историю, весело засмеялась – как ловко князь обманул людоеда. Три года назад сделал такой же вывод и Дарник, пока Тимолай не объяснил ему, что шестое оружие в животе князя это Оружие Знания, способное победить любых великанов.

– Ну и как такое оружие может победить в чистом поле более сильное войско? – заспорил Лузга.

После уроков Тимолая Дарник был вполне готов к ответу:

– Очень просто. У нас тысяча воинов и у врагов тысяча. Они вышли в поле в полном вооружении, построились и ждут битвы. А мы прячемся в лесу и не выходим, только стреляем из луков. Как только враги собираются уйти в свой стан, мы выскакиваем из леса и делаем вид, что нападаем, но потом снова прячемся. И так целый день.

– Ну и что? – не понимал Лузга.

– А то, что мы целый день в тени, а они на солнце в тяжелых доспехах и в конце дня начинают падать от жары и усталости. И мы побеждаем их малой кровью.

– Верно, – согласился тростец. – Ты сам придумал или прочитал?

– Прочитал.

Однако и такое доказательство не возымело действия. Тогда Рыбья Кровь во всякое свободное время стал обучать грамоте и умножению Черну с Зорькой и Селезнем.

– Это еще зачем? – забеспокоился Кривонос, считавший себя в ватаге вторым человеком.

– Они будут передавать вам мои распоряжения, если понадобится.

Посоветовавшись между собой, охотники выразили желание присоединиться к их учебе. Следом за ними потянулись и тростенцы. Обучение грамоте Дарник возложил на Лузгу, а сам взялся учить счету и языку жестов, который придумали они с Клычем.

Странное дело, чем дальше, тем Дарнику с тростенцами становилось все интереснее, не давил груз давнего знакомства, не приходилось осторожничать и в своей откровенности. Раньше ему казалось, что запас сведений в любом человеке ограничен, если расскажешь другим все, что знаешь, то потом придется только молчать. А тут выходило, что чем больше он говорил с новичками, тем больше было что сказать им еще.

Лишь иногда ему становилось сильно не по себе, когда в самые радостные и беззаботные минуты он спохватывался и думал о том, что ведет всех этих добродушных молодцов и молодниц на возможную смерть. Но мрачное настроение овладевало им совсем ненадолго – у пятнадцатилетнего возраста тоже были свои преимущества.

Из всей их дружной компании выпадала лишь Вета. Несмотря на свою обычную пассивность, она была глубоко уязвлена присутствием двух более ярких соперниц и старалась им всячески досадить: то бросит возле костра вязанку валежника, чтобы к ним в котел с похлебкой летел мусор, то ненароком скинет с веток деревьев выстиранную ими одежду, то еще что. Открытого столкновения пока не происходило, но только потому, что Черна с Зорькой хорошо понимали ее обиду и ждали изменения этого положения со стороны Дарника. А тот сам не знал, как все это уладить: на дневном привале он принадлежал веселым подружкам, зато ночью ложился подле Веты, как старшей жены своей маленькой семьи, оставляя Зорьку и Черну друг с другом в противоположной стороне шалаша.

8

– Ладья, – тихо проговорил Лисич, заглядывая в шалаш.

Дарник мгновенно вскочил на ноги, хватаясь за клевец.

Их стан находился на берегу речушки, текущей с юга на север, через которую они утром собирались переправиться, чтобы продолжить путь на юго-восток. И по ней сейчас вверх по

течению медленно плыла купеческая ладья. С нее тоже уже заметили их стан, и три человека на носу ладьи о чем-то совещались между собой. Кроме них на ладье было еще восемь гребцов и кормчий у кормового весла. Всего двенадцать, быстро подсчитал Дарник. Все его старания превратить в умелых воинов вчерашних лесных подростков, да двух незадачливых охотников показались вдруг детскими и напрасными, ведь теперь предстояло встретиться с кем-то действительно взрослым и опытным.

Он кивнул Кривоносу на лошадей, тот не сразу понял его. Опережая старших напарников, к лошадям поспешил Лузга с двумя своими братьями: седлать их и выносить из шалашей оружие. Селезень принес жожаку лепестковое копьё, но Дарник не спешил брать его. Охотники с беспокойством смотрели на своего жожака, явно опасаясь, что он втянет их в нежелательную опасную драку.

Ладья, повернув к берегу и прошуршав днищем по песку, пристала в нескольких саженьях от их шалашей. Сначала в воду спрыгнул огромный детина с мечом на поясе, потом второй, также вооруженный мечом. Подставив широкие плечи, они приняли на них своего хозяина-купца в синем кафтане и перенесли его на берег. Гребцы, сидя на своих местах, остались просто наблюдать.

Купец из-за худобы и невысокого роста выглядел таким бородатым ромейским подростком, у его телохранителей, как у Вочилы, были бритые головы с прядью волос посередине, говорящей о принадлежности к гридям-русам, а поверх простых рубах они носили толстые стеганые безрукавки – вид легкого доспеха.

Спустившись на землю, купец с любопытством оглядел ватагу, не сразу определяя ее жожака, и Дарник, чтобы не было невыгодного для него недоразумения, первым сделал шаг навстречу:

– Кто вы и откуда?

– Я Стерх из Корсуни, – ответил купец, правильно выговаривая словенские слова. – А ты кто?

– Я Дарник из Бежети, а это мои люди.

– Я везу радость для женского сердца: богатые ткани, украшения, вино, соль и южные плоды. Попробуй, Дарник из Бежети. – Купец из глубины кафтана извлек круглый оранжевый плод величиной с кулак и протянул Дарнику.

Дарник взял плод и, не зная, что с ним делать, переложил в другую руку.

– А ты что имеешь на обмен? Может быть, у тебя есть солиды или дирхемы?

– Мы поединщики, добываем свое добро оружием, – похвастался Рыбья Кровь.

– Поединщики? – В глазах купца загорелся веселый огонек. – И каким оружием вы сражаетесь? – Он недоверчиво обвел взглядом напуганных ватажников.

Дарник достал из-за спины клевец.

– Вот этим? – Купец бросил мимолетный взгляд на неказистое оружие. – И кто этим может сражаться?

– Я, – коротко ответил Дарник, задетый его насмешливой интонацией.

Стерх переглянулся со своими телохранителями, те усмехнулись.

– И против меча? – повернулся он к Дарнику.

– И против меча.

Купец снова посмотрел на телохранителей и произнес по-ромейски:

– Быстряй, размяться не хочешь?

– Можно, – тоже по-ромейски ответил тот, кто был пониже.

Дарник оттого, что все понял, внутренне возликовал: вот оно, его тайное преимущество над заносчивым неприятелем. Купец посмотрел на стан.

– А какой заклад?

– Две лошади.

– Зачем нам на ладье лошади? Вот раба или рабыню мы бы взяли. – Стерх пронизательно взглянул на Селезня и Вету.

– А что взамен?

– Ткани, фрукты, соль, по выбору.

– Два меча.

– За двух плохо обученных рабов? – с сомнением покачал головой купец.

После непродолжительного торга договорились поставить против Селезня и Веты один меч и пуд заморских фруктов.

Дарник предполагал, что сражаться придется с верзилой, но купец выставил другого телохранителя, того, кого раньше назвал Быстряном. Он казался не таким огромным и сильным, однако его имя заставляло проявить осторожность.

И, как оказалось, не напрасно. Первый же удивительно стремительный и сильный удар Быстряна расколол щит юного жоака надвое. Хорошо, на линии удара не оказалось локтя, иначе быть бы ему одnorуким. Второй удар пришелся по клеvcу и едва не перерубил древко со всеми его железными ребрами, если бы не острый угол, при котором меч лишь скользнул вдоль рукояти. От третьего удара Дарника спас резкий отскок назад. Быстрян за ним не последовал – слишком уверен был в своем превосходстве.

Гребцы с ладьи торжествующе заорали. Впервые Дарник не знал, как подступиться к противнику. Закрытый круглым щитом с занесенным мечом гридь мог успеть ответить, даже если бы удар Дарника был быстрее. Оставалось только скинуть остатки собственного щита и взять в левую руку нож. Законами поединка это допускалось: или щит, или второе мелкое оружие. Вот только от удара меча нож тем более защитить не мог. Дарник принялся кружить вокруг Быстряна, выжидая удобный момент для атаки. Телохранитель с улыбкой поворачивался вслед за ним. Сделав ложный выпад, Дарник отскочил, Быстрян пугнул в свою очередь – Рыбья Кровь тоже отпрыгнул. Гребцы издевательски засвистели. На новое полудвижение Дарника меч со свистом пронесся у самого его лица. Еще один ложный выпад – и меч лишь слегка шелохнулся. В третий раз Маланкин сын ринулся клеvcом прямо на меч, и остановил его крестовиной клеvcа в самом начале удара, а левой рукой сделал скользящее движение, прочертив ножом глубокую царапину по правому предплечью руса.

Быстрян отступил. По его руке обильно текла кровь. Он попытался поднять меч, это у него получилось с трудом. Но торжествовать было рано. Решительным движением рус отбросил свой щит и переложил меч в левую руку, после чего, как одержимый кинулся на противника. Один, второй и через круговой разворот третий сокрушительный удар. Последнего удара Дарник даже не увидел, вертикально выставил клевец туда, откуда он должен был последовать и тем самым сумел спасти себя, мысленно поблагодарив кузнеца Вочилу за рассказ об этом приеме. Быстрян на мгновение замер, удивленный, что ловкий отрок, которого он посчитал по-сельски неискушенным, все еще жив.

Дарник тоже отбросил нож и двумя руками взялся за клевец. Теперь их силы снова уравнялись. Двумя руками легче было отбивать любые удары меча, тем более, что они становились все слабее и слабее. Наконец гридь остановился и, тяжело дыша, вопросительно посмотрел на своего хозяина.

– Сражайся! – крикнул тот в ответ.

Но Быстрян не успел даже как следует поднять оружие, как Дарник неуловимым движением зацепил клювом клеvcа перекрестие меча и выбил его из руки противника.

Гребцы возмущенно загудели и попрыгали с ладьи на берег.

Стерх жестом остановил их.

– Ты поступил нечестно: сражался двумя оружиями против одного, – сказал он Дарнику. – И за это мы заберем твоего раба.

– Щит и нож – равное оружие, – угрюмо возразил Рыбья Кровь.

– Оно равное, когда ты защищаешься, но именно ножом ты нанес рану, поэтому поступил нечестно.

Вместо ответа Дарник повернулся к Быстряну, которому верзила-телохранитель перевязывал руку.

– Ты тоже считаешь, что я победил нечестно?

Все замолчали – ждали, каким будет ответ раненого. Быстрян молчал. Купец поспешил вмешаться:

– Он мой гридь и за него отвечаю я. И я говорю то, что сказал. Мы забираем твоего раба, не двоих, а только одного.

Селезень испуганно стал за спину Дарника. Охотники и парни выглядели растерянными, сознавая бессмысленность сопротивления: семеро против двенадцати взрослых крепких мужчин.

– Вы хотите забрать его силой? – вопрос Дарника предназначался не столько купцу, сколько всей команде ладьи, наивно надеясь, что хоть кто-то из них устыдится.

– Где сила – там и право, – усмехнулся купец и выразительно посмотрел на верзилу-руса, но тот не двинулся с места, не совсем согласный со своим хозяином.

Гребцы оказались не столь щепетильными, двое из них схватили Селезню и потащили его на ладью. Остальные двинулись следом за ними. Верзила-телохранитель отступал спиной последним, оберегая хозяина от возможного удара сзади.

Дарник не двигался. Скрестив на груди руки, он хмуро смотрел на их погрузку и отплытие ладьи. Лишь, когда она скрылась за ближайшим поворотом реки, повернулся к своим. Те глядели на жоака, готовые подчиниться любому его решению. На мгновение Дарнику захотелось сделать вид, что ничего особенного не произошло. Это тоже было бы понято и принято всеми, но начинать свою ратную судьбу с утраченной победы и не отомщенного оскорбления?..

– Луки и сулицы! – приказал он. – Топоры и мечи тоже.

Охотники и парни кинулись за оружием. Сев парами на трех лошадях, они поскакали лесом вверх по реке. Догнать ладью не составило труда. На борту видны были восьмеро гребцов, кормчий и привязанный к мачте Селезень. Купец с русами укрылись от солнца под полотняным навесом на носу судна. Первыми залпами легко было подстрелить четырех-пять человек, но потом оставшиеся обязательно укроются за бортом и оттуда их будет не достать. Поэтому Дарник, не спешиваясь, поскакал со своим небольшим отрядом дальше. Через две версты он нашел то, что искал: два крутых лесистых берега, сжимающих реку с двух сторон.

– Переправитесь на тот берег и ждите, – сказал он Кривоносу и Лисичу. – Мы с Меченым будем стрелять отсюда, а они отстреливаться. Когда увидите все их спины, начнете стрелять сами, но не раньше. Нельзя давать им спрятаться.

Охотники со своими напарниками Лузгой и Бортем перешли на лошадях вброд на другой берег и растворились в лесной чаще. Дарник с Меченым изготовились для стрельбы на своем обрыве. Вот показалась и ладья. Рыбья Кровь выложил половину стрел из колчана перед собой, одну стрелу взял в зубы, другую положил на лук. Меченый точно повторял его движения. Эта чужая вера в то, что жоак знает, что делать, придала Дарнику собранности и расчетливости в действиях.

Когда судно поравнялось с ними и до него стало не больше пяти-шести сажений, они спустили тетивы. Первым же выстрелом Дарник поразил кормчего, вторым одного из гребцов. Меченый из-за волнения стрелял не так успешно, но и его стрела ранила гребца. Потом стрелять стало трудней. Из-под навеса повыскакивали купец с русами, а гребцы подняли над бортами непонятно откуда взявшиеся круглые щиты и сами взялись за луки. По приказу хозяина один из гребцов бросился к рулевому веслу, но там его сразила еще одна стрела Дарника. В ответ полетели стрелы с ладьи, но не прицельно, а просто в лесную чашу, тем не менее, одна

из стрел вонзилась в ствол дерева совсем рядом с Дарником. Он выдернул ее и присоединил к своим запасам.

Тут в спины гребцов ударили стрелы четырех лучников с другого берега и ранили купца и двоих гребцов. По приказу Быстряна оставшиеся гребцы налегли на весла, стараясь уйти от опасного места. Но их беспорядочные усилия при отсутствии кормчего привели к тому, что ладья ткнулась носом в отмель на стороне Дарника и остановилась.

Прыгнув в воду, оба руса попытались столкнуть судно на глубину, но в награду получили по несколько стрел каждый. Особенно досталось верзиле, у него две стрелы застряли в безрукавке, а еще две торчали из плеча и низа живота. Быстрян помог ему забраться на ладью. Там прекратили стрельбу и чуть погодя замахали тряпкой, надетой на стрелу, призывая к переговорам.

В ответ Рыбья Кровь вышел на прогалину, где его видно было с ладьи и с противоположного берега и помахал стрелой оперением вверх.

– Бросайте оружие! – крикнул он.

В его собственном колчане оставалось лишь две стрелы, у Меченого вообще ни одной.

– Чем клянешься? – крикнул с ладьи Быстрян.

– Своими будущими детьми, – отозвался Дарник.

По знаку Быстряна все, кто уцелел, поднялись из-за щитов и побросали на берег свои луки и топоры, бросил и он свой меч. Потом они освободили Селезня, который в свою очередь привязал к мачте двоих оставших невредимыми гребцов. После чего охотники со своими напарниками перебрались на левый берег, а Дарник с Меченым и Кривоносом поднялись на ладью. Из двенадцати человек трое были убиты, еще трое тяжело ранены, а четверо – легко. Из ватаги же не пострадал никто.

Купец был ранен стрелой в рот и не мог говорить, только со жгучей ненавистью смотрел на своего юного победителя. Но его взгляд служил Дарнику лучшей похвалой содеянному, значит, все случилось как надо: и подлый обман, и небольшая робость, и верно проведенное сражение, и должное наказание.

Быстрян с одним легко раненым гребцом взялись перевязывать своих товарищей. Кривонос с Меченым сунулись было осматривать тюки и сундуки купца, Дарник на них даже прикрикнул, чтобы они лучше собирали трофейное оружие. Сам он искал и возвращал в колчан свои стрелы. На его собственном счету был один убитый и двое тяжелораненых. Меченый извлекал остальные стрелы.

– Твоя прямо в сердце, – сообщил он, протягивая стрелу Лузге. – А твоя в горло попала, – порадовал он Борть.

На молодых бойниках лица не было. Если Борть еще старался выглядеть невозмутимым, то Лузгу от протянутой ему стрелы с еще дымящейся кровью стало рвать. Никто, казалось, его слабости не заметил.

С некоторой оторопью Дарник вдруг осознал, что вместо простого ответа на оскорбление и освобождение своего раба он теперь завладел купеческой ладьей, полной товара. Впрочем, на его внешней невозмутимости это как всегда никак не отразилось.

Общими усилиями ладью развернули вниз по течению, Лисич и Борть отправились с лошадьми берегом, а остальные тронулись на ладье речным путем.

Дарник нет-нет, да поглядывал на мертвого кормчего – вот он его первый убитый. Только никакого особого волнения почему-то нет. Возможно из чувства своей полной правоты. Немало поразила его и результативность стрельбы из лука, то, что они победили так играючи.

Когда приплыли к своему береговому стану, пара Лисича была уже там. Девушки встречали ладью слегка растерянными – как приветствовать мужчин, убивших много врагов, им было не очень понятно: ликовать или ахать при виде ран. А ран у победителей как раз и не

было. Нашли выход, кинувшись обнимать Дарника и Селезня, отчего спасенный мальчишка даже растроганно расплакался.

Вообще все ощущали сильную неловкость – то, что на ратном поле выглядело бы как геройский подвиг, здесь, в лесной глуши, имело вид самой настоящей разбойной расправы. Холодный рассудок сохранился, казалось, лишь у Быстряна.

– Что дальше будешь делать, орел? – спросил он у Дарника так, чтобы никто не слышал.

«Дальше» касалось не сегодня и не завтра, а совсем дальше, понял Дарник, но ничего не ответил. Он то и дело ловил на себе пытливые взгляды ватажников, желавших понять, как чувствует себя он сам. Чувствовал крайне озабоченно, но никому об этом знать не следовало.

Отдав распоряжение копать для убитых общую могилу, он занялся осмотром добычи. Помимо основных товаров на ладье находилось множество дорогих вещиц, назначения которых юный бежечанин просто не знал. Среди трофейного оружия он с радостью обнаружил новый рычажный самострел, которым никто на ладье не успел почему-то воспользоваться, а также особые парные мечи – большой и малый, с узкими лезвиями и с кривым зубом-ловушкой у рукояток для захвата меча противника.

В вещах Стерха обнаружилась шкатулка с серебряными и золотыми монетами, при виде которых у охотников алчно заблестели глаза. Чтобы охладить их пыл, Дарник нарочно обвязал шкатулку веревкой с замысловатыми узлами и сунул на прежнее место.

– Что будем делать с ними? – спросил Кривонос, указывая на тяжелораненых, возле которых сутились Черна с Зорькой.

Положение утыканного стрелами верзилы-телохранителя, гребца, раненого в живот, и кучка с наконечником стрелы в глубине рта выглядело безнадежным. Проще всего их было прикончить, но ватажники и без того были пресыщены кровью, да и перевозка их на ладье была не в тягость.

– Берем их с собой.

– Ты хочешь плыть на ладье? – удивился Кривонос. – Лучше разделить добычу, а ладью сжечь.

– Я подумаю и решу, – ответил Дарник.

Пока копали могилу, умер раненый в живот гребец. Когда трупы всех четырех убитых забросали землей, Дарник обратился к пленникам с речью:

– Ваш купец поступил со мной нечестно, вы все были этому свидетелями. Посмотрите теперь на него, не моя стрела в него попала, а чья-то другая, но он все равно умирает мучительной смертью. Никто из вас не возразил, когда вы забирали моего человека, и теперь четверо из вас уже отправились к своим предкам. Справедливо я сделал или нет, решать вам. Сейчас мы отправляемся в путь. Кто не хочет следовать с нами, может идти своей дорогой, получит лошадей, еду, по пять дирхемов и тихую мирную жизнь. Кто пойдет с нами, будет нашим товарищем, получит ратную славу и богатство.

Гребцы молчали, тихая мирная жизнь в незнакомой земле без сильного предводителя представлялась им еще большим злом, чем подчинение безумному юнцу, который, по крайней мере, знает, чего хочет, да и привычная ладья была надежнее лошадей с запасом пищи и денег. Дарник не понимал этого и мысленно поздравлял себя с новым пополнением своего отряда. Важно было только получить ответ еще и от Быстряна.

– А ты что решил? – обратился он к нему чуть погодя.

– Пока жив мой хозяин, я тебе ничего не скажу, – ответил рус.

Перед тем как покинуть стоянку, Дарник отдельно собрал ватажников. Похвалив всех за меткую стрельбу, он сделал замечание насчет расхода стрел: впредь, чтобы у каждого всегда в колчане их было не меньше двадцати, и чтобы после боя обязательно собирать их назад – иначе наконечников не напасешься. Наказал также приглядываться к шестерым гребцам, чтобы

все позже из них могли выбрать себе подходящего младшего напарника. Троица тростенцов довольно переглянулась – скоро и они станут старшими.

9

День уже клонился к вечеру, и не имело смысла пускаться в путь, но тут один из гребцов вспомнил, что ниже по течению, в нескольких верстах отсюда находится большое городище, где наверняка есть знахарь, способный облегчить муки раненых. Дарник тотчас объявил сборы в дорогу, которые не заняли много времени.

Пару Кривоноса послали гнать вдоль берега пятерых лошадей, остальные кое-как разместились на ладье.

Двум уцелевшим гребцам помогали на веслах Лисич с Бортем и Меченый с Селезнем. Быстрые с девушками хлопотали на носу возле раненых. Дарник сидел на корме у руля, с удовольствием ощущая, как большое судно подчиняется малейшему его движению, и думал о грядущем. Что делать дальше? Самому притвориться купцом и ездить с товаром по рекам все лето? Даже если все сойдет гладко, нужно ли это ему? Основать собственное селище и сделать его неприступным гнездом братства бойников? При самом удачном исходе он будет всего лишь хозяином маленького кусочка земли, который можно объехать верхом за один день. Распродать добычу на ближайшем торжище и поделить все поровну? А как ее делить и между кем? Но если они начнут все делить, тогда им точно название разбойничья ватага, место которой на виселице.

Решение пришло неожиданно и удивило его самого. Ничего ни с кем не делить, а отдать все короякскому князю. Про такое он еще никогда не слышал, чтобы разбойники сами сдавались со всем своим добром князю.

Тяжелый густой лес на левом берегу сменился прозрачным сосновым бором, скоро пошли большие прибрежные луговины. На одной из них паслось стадо коров под присмотром старика и двух подростков, на другой, огражденная жердями зеленела молодая рожь, а за ней уже виднелись крыши домов.

Городище Хлын было похоже на удвоенный в размерах Тростец. Такой же высокий тын с наблюдательной вышкой, такие же бревенчатые избы, только крыты они были уже не дерном, а дубовым тесом.

При появлении ладьи в городище возникло заметное движение, из ворот высыпало немало женщин и детей, видимо, признавших купца, проплывшего недавно вверх по течению. Но по мере приближения судна радостное оживление стихло, сменившись тревожным ожиданием – на борту творилось что-то непонятное.

Когда ладья пристала к пологому берегу недалеко от ворот, к ней тут же приблизилась группа вооруженных мечами мужчин.

– Нам нужен знахарь, – сказал Дарник после приветствий. – У нас раненые.

– А ты сам кто такой? – спросил одноглазый, сурового вида староста.

– Я Дарник из Бежети.

– Кто напал на вас?

– У нас был спорный поединок.

Староста заглянул под полотняный полог на раненых.

– Я вижу, вы очень хорошо поспорили, – усмехнулся он.

– Они умрут, если вы не дадите знахаря.

– Разбойникам мы знахаря не даем, – был ответ.

Группа мужчин удалилась в городище, следом за ними женщины и дети.

К ладье подъехали Кривонос и Лузга со своими лошадьми. Узнав, что в знахаре отказали, Лузга тут же предложил поджечь городище или хотя бы лодки хлыновцев, лежащие на берегу

неподалеку. Он слишком буквально понял, что за каждую обиду надо немедленно наказывать. Дарник оглядел остальных. Вся ватага, даже гребцы смотрела на него с тем же ожиданием решительных действий. Оказывается, не только вожак может приказывать, но и ему могут – это было не очень приятным открытием.

К ладье тем временем быстрым шагом подошли два вооруженных стражника.

– Староста сказал вам удалиться, иначе... – начал старший из них, но, оглядев мрачные лица дарницкой ватаги, не договорил и поспешил с напарником восвояси.

– Хорошо, – сказал Дарник. Поднявшись в ладью, они, впрочем, не поплыли дальше, а просто переправились на другой берег реки. Туда же вплавь доставили лошадей и коноводы.

Отдав распоряжение второй и третьей паре и гребцам готовить зажигательную паклю для стрел, а также собирать большие камни и пилить короткие толстые чурбаки, Рыбья Кровь с Меченым и Селезнем занялся изготовлением большой пращницы. Если в Бежети ему на это понадобилось четыре дня, то теперь все уложилось в считанные часы, в качестве оси хорошо подошел железный лом, найденный на ладье. Его укрепили между двух деревьев, а на нем с помощью деревянной плашки коромысло с противовесом.

У купца, между тем, началась агония: лицо стало сине-багровым, несколько слабых хрипов и по телу прошла последняя судорога. Теперь их месть выглядела уже совершенно законно, это признал даже Быстрян, попросив вернуть свое оружие и решительно, несмотря на ранения, присоединившись к строителям метательного орудия.

Пока хоронили Стерха, Дарник произвел смотр своих сил. В его распоряжении, включая двух гребцов, Быстряна и Селезню, находилось девять бойников. Трое должны были управляться с пращницей, остальные шестеро стрелять из луков зажигательными стрелами. Черна с Зорькой тоже попросили себе по луку, но он отрядил их подносить лучникам зажженные стрелы. Еще трем легко раненым гребцам надлежало подавать снаряды для большой пращницы.

В городище, судя по всему, могли выставить до сотни крепких сильных мужчин. Сражаться с ними в открытом бою было полным безрассудством, но через реку, с безопасного расстояния – в самый раз. Впервые предстояло проверить на деле и свое метательное орудие. Никто, даже опытный Быстрян не понимал толком, что задумал молодой вожак. Не понимали и хлыновцы, продолжая на своем берегу заниматься повседневными делами, лишь изредка поглядывая в сторону ладьи. Себе в помощники подавать камни и натягивать веревки Дарник взял Меченого и Бортя, остальных с луками под командой Быстряна выстроил впереди у берега.

– Ну что, начнем? – спросил вожак, оглядывая своих изготовившихся лучников. – Стреляйте только по лодкам. – И отпустил веревку, удерживавшую коромысло пращницы.

Трехсаженная балка стремительно развернулась и пять первых булыжников, перелетев реку, обрушились внутрь городища. Из глоток ватажников вырвался торжествующий вопль – каждый чувствовал себя причастным к столь отличному броску.

Хлыновцы засуетились лишь после третьего выстрела, град тяжелых камней методично крушил крыши их домов и построек, а три десятка зажигательных стрел уже торчало в бортах их долбленок. Сумятицу увеличило стадо коров, возвращавшихся в это время с пастбища. Один из выстрелов мелкими камнями Дарник направил прямо в середину стада, убив и поранив несколько коров, и выбегавшие из ворот парни и мужики с рогатинами и топорами оказались в самой гуще обезумевших животных.

Из-за стен городища повалил дым – несколько камней разворотили не только крыши, но и домашние очаги. Когда закончились камни, обстрел пошел тяжелыми чурками. Все лодки тоже были в огне. Несколько хлыновцев, укрывшись за деревьями на своем берегу стали отстреливаться из луков, и им даже удалось ранить одного из гребцов.

– У нас кончаются стрелы, – подбежав к Дарнику, сообщил Кривонос.

Дальше оставаться здесь было рискованно – не хватало только захватить и повесить себе на шею целое городище.

– Собираемся, – приказал Дарник, наводя пращницу с галечной россыпью на вражеских стрелков. Сильно поразить никого не удалось, зато хлыновцы тотчас же отступили подальше от берега.

Когда все, кроме коноводов, погрузились на ладью, Дарник с Меченым изрубили на куски пращницу, забрали лом и мешки для камней и последними поднялись на борт. Возбужденные ватажники не уставали обсуждать свою новую победу, то и дело оглядываясь на пылающее позади городище – месть получилась что надо.

Сразу за Хлыном река, по которой они плыли впадала в широкий поток, текущий с запада на восток. Не останавливаясь, плыли вниз по течению весь вечер и полночи. Затем пристали к противоположному от городища берегу и расположились на ночевку, выставив двойную охрану.

Ночью Дарнику снилось единоборство: вместо клевца и ножа он держал парное оружие, найденное в ладье: на большой меч ловко принимал удары вражеского меча, а левой рукой с малым мечом в обход щита поражал противника в бок. Вот оно, лучшее оружие для поединка, успел подумать он, просыпаясь.

Его, как и всю ватагу, разбудил собачий лай и крик Кривоноса, сторожившего с Лузгой и одним из гребцов всю ночь у костра. На другой стороне реки появился отряд верховых хлыновцев, посланный вдогонку за поджигателями. Их было человек тридцать, почти все при мечах, копьях-пиках и луках. Обнаружив ладью, они незамедлительно стали переправляться через реку чуть ниже по течению.

В воде всадники представляли собой прекрасную мишень, вот только в их ватаге не осталось стрел – все израсходовали накануне. Это был прямой просчет Дарника, пожалев уставших бойников, он отложил снаряжение стрел на утро. Воинственные крики и число нападавших смутило многих ватажников. Двое легко раненых гребцов даже кинулись бежать в лес, остальные, похватав оружие, беспокойно подрагивали, ожидая команды от вожака.

– Всем на ладью, – приказал Дарник, принимая от Селезня лепестковое копье и колчан с сулицами. Жестом остановил Быстряна: – Ты ударишь в спину в нужный момент.

Гридь кивнул и с двумя гребцами скрылся в густом подлеске. Хлыновцы уже выезжали на лошадях из воды. Горя яростью, они, забыв о луках, устремились с пиками и мечами на дарникцев. Их встретил дружный бросок в упор семи сулиц, ранивших трех лошадей и трех всадников. Но атака продолжалась. Ладья находилась рядом с вербой, чей ствол протянулся над самой водой. Дарник со своим лепестковым копьем перепрыгнул на нее. Как только между ладьей и деревом въехали двое всадников, его лепесток прочертил по воздуху широкую дугу и снес голову первому нападавшему и полчерепа второму, обратным движением с той же легкостью срезав голову лошади. Конники попятились. Рыбья Кровь прыгнул с дерева на траву в их гущу и сделал своим лепестком еще два или три круговых движения, разрезая лезвием лошадиные бока и ноги всадников.

Трое хлыновцев с мечами и щитами тем временем попытались перепрыгнуть с седел на ладью с другого борта. Их встретили мечи Лузги и Бортя, топоры Лисича и Кривоноса. Все три храбреца тотчас замятво рухнули в воду.

Поняв, что наскоком ладью не захватить, противник отступил и, взявшись за луки, прямо с седел стал осypать ватажников стрелами. Дарник не счел для себя зазорным в два прыжка вернуться на свое дерево, а оттуда в ладью. Остальные тоже укрылись за щитами, не имея при этом возможности самим отстреливаться. Полная победа хлыновцев была теперь вопросом лишь времени.

Меченый указал на большое кожаное покрывало, что укрывало от дождя товары на дне судна. Растянув и подняв его, они сделали укрытие от вражеских стрел, за которым можно было

изготовиться к ответным действиям. Несколько пращей-ложек с небольшим запасом камней на счастье оказались на ладье. Следом за камнями в нападавших полетело все, что можно было метать: топоры, ножи, оставшиеся сулицы, ранив и убив еще нескольких лошадей и всадников. Получив новый отпор, хлыновцы спешились и, прячась за лошадой, отступили в лес. Этот момент Быстрян выбрал для удара им в спину. Метнув обыкновенные камни, он вместе с двумя гребцами, к которым в лесу присоединился еще один прежний беглец, вчетвером обрушились с топорами и мечами на пятерых хлыновцев отошедших в сторону. Им в поддержку по команде Дарника ринулись ватажники с ладьи. Окончательно смешавшись от такого двойного удара, хлыновцы кинулись за деревья. Будь Дарник поопытней, атака была бы продолжена, вместо этого он приказал собирать сулицы и стрелы.

На какое-то время наступило затишье с обеих сторон. Несмотря на потери, хлыновцев еще было в два раза больше. И у каждого из них в колчане оставалось не меньше дюжины стрел, а Дарник на собственном опыте убедился, каким грозным оружием они могут быть под прикрытия леса. В короткой рукопашной зарублены были Лузга и один из гребцов, а также законотяжелораненый верзила-телохранитель, оставленный в суматохе на берегу. Легко ранены были Кривонос и Борть.

– Надо уходить, – сказал Быстрян.

На ладье под прикрытием щитов и покрывала они действительно были недосыгаемы. Но бросить вот так все и спасаться бегством? Такую команду Дарник отдавать не хотел. Впрочем, на бегство уже и не было времени. Из гущи леса вновь полетели стрелы хлыновцев, две из них даже попробовали на прочность безрукавку Рыбьей Крови – вшитые железные пластины оказались надежны.

Дарник, став на видное место, помахал тряпкой, насаженной на сулицу, призывая противника к переговорам. Стрельба прекратилась, из-за деревьев выехал всадник в блестящем железном шлеме и с медной гривной на шее, свидетельствующими, по меньшей мере, о звании сотского.

– Что ты хочешь? – спросил он, приближаясь к ладье.

– Я хочу заплатить виру, – ответил Дарник.

– На десяти ладьях не хватит товара, чтобы заплатить виру за то, что вы сделали.

– Кроме товара, есть я. За меня заплатит любую виру мой род. Род Дарника из Бежети.

– Никогда о таком не слышал.

– Так, может, это кто-то другой сжег ваше городище? – засмеялся Дарник.

Его высокомерный тон, а еще больше лицо и одежда, залитые чужой кровью, производили должное впечатление.

– А твои люди? – неуверенно произнес хлыновский предводитель.

– Мои люди делают только то, что я им скажу. Челядин за хозяина виноват быть не может, или у вас другой закон?

– Мы их не можем отпустить.

– Никто не просит их отпустить. Они будут сопровождать меня как моя челядь.

– Мы должны будем тебя связать, Дарник из Бежети.

– Мои люди будут не связаны, а их хозяин связан? Так не бывает.

– Мы можем просто убить тебя и твоих людей.

– Тогда вас останется еще меньше. Разве ваших женщин обрадуют новые трупы, трупы их братьев и мужей? А с пленными вы будете выглядеть настоящими воинами.

Такой довод окончательно убедил сотского, что он имеет дело со знатным человеком, потому что простой вожак так рассуждать не мог. Но он все же потребовал, чтобы все дарнинцы сдали свое оружие.

– Кроме ножей, – сказал Дарник.

Кузнец Вочила хорошо просветил племянника: в больших городах наличие ножа всегда указывает на свободное положение человека в отличие от раба-холопа.

– Кроме ножей, – поколебавшись, согласился сотский.

Рыбья Кровь первым бросил на песок свой лепесток и клевец. Ватажники последовали его примеру. Вышедшие из леса хлыновцы смотрели на пленных с опасливым уважением. Отказ путникам в знахаре тоже считался большим преступлением, и только суд старейшин из города мог определить меру виновности каждой из сторон.

Сойдясь все вместе на берегу, они сообща похоронили троих дарникцев, перевязали раненых, прирезали раненых лошадей и собрали все добро. Никакой злобы или ненависти друг к другу не было ни с той, ни с другой стороны. Большую часть хлыновцев составляли совсем молодые парни, для них это было первое в жизни сражение и сразу разобравшись, что тут к чему им было не так просто. Один из них, с красным лицом, будучи постарше и поопытней, решил показать всем, что значит быть победителем – внезапно, подхватив Черну, он попытался отнести ее в лес. Дарник, заметив умоляющий взгляд девушки, встал на его пути.

– Она моя законная добыча, – набычась и не отпуская Черну, заревел краснолицый.

– Она законная добыча вашего лучшего воина. Разве ты был самым лучшим? – в тон ему ответил Дарник.

Краснолицый, не зная, что сказать, тупо хлопал глазами.

– Еще тот вояка! – саркастически заметил раненый в плечо хлыновец.

Кто-то даже рассмеялся.

Конец спору положил сотский.

– На ладью давай, – приказал он краснолицему.

Своих восьмерых убитых и пятерых раненых хлыновцы погрузили на судно, из-за чего на его борт смогли подняться лишь четверо охранников. Кроме них на ладье разместились девушки и Дарник с Быстряном, остальных ватажников впрягли в бечеву, чтобы тянули ладью берегом вверх по течению.

Дарник держался так, словно это охранники были его пленниками. Как только они отплыли, он приказал девушкам подать заморских фруктов и красного южного вина, после чего предложил хлыновцам разделить с ним скромную трапезу. Те разделили и вскоре были уже изрядно пьяны. Им позавидовали те, кто ехал на лошадях берегом, и потребовали своей доли веселья. Сотский объявил привал, и сам вместе с несколькими воинами поднялся пировать на ладью. На берегу остались только пятеро воинов, охранявших лошадей и пленных. Южное вино пьянило так, что голова оставалась ясной, а руки и ноги охватывала большая слабость. Сам Дарник не столько пил, сколько подливал гостям, поэтому, когда пятеро хлыновцев завалялись в непробудном сне, он подал знак Быстряну, и они вдвоем, выхватив свои ножи и мечи спящих, напали на девятерых пьяных хлыновцев и после короткой схватки всех их перебили, вино кружило голову и делать это было легко и весело. Охранники на берегу не успели вмешаться, так как на них самих напали с ножами ватажники под командой Кривоноса и Лисича.

Вскоре все было кончено, в живых остались только те, кто свалился пьяным, да четверо раненых, которые не могли оказать большого сопротивления.

Теперь у дарникцев было сколько угодно оружия и двадцать пять лошадей.

– Что будем делать с этими? – спросил Быстрян о пьяных.

– Дай воды.

Гридь зачерпнул за бортом ведро воды и обдал ею спящих. Те стали просыпаться, не очень понимая, что происходит. Вокруг стояли их бывшие пленники с оружием в руках и победно скалились. А двое гребцов на берегу складывали в ряд трупы убитых.

– Вы свободны и можете выбрать, – обратился к пленникам Рыбья Кровь. – Кто вернется домой, будет навсегда покрыт позором, кто присоединится к нам, того ждет жизнь настоящего воина.

Хлыновцы молчали. Потом трое, что постарше, шагнули к борту и полезли на берег. Двое молодых парней, ровесники Бортя и Меченого, остались.

– Что с лошадьми? – спросил Быстрян.

– Все седла на ладью, а лошадей пусть забирают, – распорядился Дарник.

Так и сделали.

Жуткое зрелище представляли двадцать два убитых хлыновца, уложенных двумя рядами на берегу. Возле них лежали четверо раненых, мало отличавшихся от мертвых. Особенно страшны были рубленные раны: развороченные черепа, отрубленные руки, проломленные грудные клетки. Лошади, чуя кровь, метались на привязях. Рыбья Кровь едва сдерживал злорадный смех – меня посмели поймать, так вам и надо! Трое оставшихся хлыновцев растерянно оглядывались, не зная, что со всем этим делать.

– Одного пошлите за помощью в Хлын, двое делайте носилки для раненых, – посоветовал Дарник.

Они посмотрели на него, не сразу уразумев услышанное.

Вместе с хлыновцами Дарник отправил на берег и струсившего гребца, который не участвовал в первой схватке. Тот стал было проситься остаться, но юный вождь пригрозил, что в таком случае его за трусость придется повесить и гребцу ничего не оставалось, как принять меньшее зло. Ватажники встретили решение Дарника согласным молчанием, после Большой пращницы, сражения лепестковым копьем и резни на ладье они смотрели на него с неким священным ужасом.

Когда отплывали, увидели, как один из хлыновцев направился на неоседланной лошади вверх по реке, а струсивший гребец, сообразив, что еще немного и его ждет расправа со стороны оставшихся парней, украдкой двинулся в глубь леса.

Новая победа принесла и первые потери. Мучительно жалко было Лузгу и верзилу-телохранителя. К этому, видимо, надо было еще привыкнуть – к смерти боевых соратников. Дарник взглянул на Быстряна. Тот не слишком скорбел об утрате напарника. Борть с Меченым, да и Черна с Зорькой, такие мрачные и унылые на берегу, уже снова перебрасывались шутками и подтрунивали над нерасторопной и туго соображавшей Ветой. В этом не было ничего удивительного, смерть в те времена была рядом с человеком каждую минуту, поэтому, похоронив самого близкого друга, каждый просто из чувства самосохранения стремился тут же как следует встряхнуться и собраться с силами – ведь отныне часть обязанностей умершего ложилась и на него самого. Поняв, что никто не винит его в гибели Лузги, а напротив, считает, что он действовал во всем наилучшим образом, Рыбья Кровь точно так же стряхнул с себя неприятное впечатление от побоища и уже думал о другом.

Остаток дня плыли в шесть весел без остановок, стараясь подальше уйти от страшного места, и ночевку устроили на острове посреди реки.

Всю ватагу, естественно, занимал главный вопрос: дележка добычи. Среди добытого у хлыновцев оружия были кольчуги, чешуйчатые доспехи, деревянные и медные щиты, пики, луки, кистени, секиры, с десятков мечей. И после вечерней трапезы Дарник, утоляя общее нетерпение, позволил каждому выбрать из всех трофеев по два предмета.

Показывая пример, себе взял парные мечи и блестящий шлем хлыновского сотского. Кольчугой или чешуйчатым доспехом не прельстился – слишком тяжелые, да и безрукавка деда Смуги оказалась вполне надежной. После этого сам называл того, кто должен подойти к разложенным на траве трофеям, заодно выстраивая ватажников в определенном порядке значимости: Быстрян, Кривонос, Лисич, Меченый и Борть, за ними шли Селезень, трое гребцов и два хлыновца. Не обошлось, впрочем, и без недоразумений. Так, некоторые хватили себе по два меча или по два доспеха, явно для последующей продажи, на что, Дарник, спохватившись, напомнил, что каждый потом на берегу будет таскать это оружие на себе. Аппетиты сразу заметно поубавились. Но впредь, понял он, надо вручать трофеи ему самому.

– А как же купеческие товары? – напомнил Кривонос.

– Я еще ничего не решил, – осадил его вожак.

Теперь в ватаге было пять пар бойников в почти полном боевом снаряжении. Старшими в парах Дарник объявил Быстряна, охотников и обоих тростенцов. Селезня оставил при себе в качестве оруженосца.

Чтобы по-особому отметить Быстряна, принесшего в двух схватках на ладье столь существенную помощь, Дарник отдал ему в наложницы Вету, к полному удовольствию Черны и Зорьки.

10

Наутро следующего дня подул устойчивый западный ветер, и гребцы на ладье подняли большой прямоугольный парус, чем немало развлекли остальных ватажников, никогда такого не видевших. Весла уложили на дно и в полной тиши много часов подряд наслаждались плавным скольжением по воде.

Дарник с Быстряном сидели на корме и тихо переговаривались. Молодой вожак хотел узнать у него побольше о русах. Если словены и русы один народ, то чем они отличаются друг от друга?

– У русов все происходит всегда резче и острее, – отвечал Быстрян. – Правильная размеренная жизнь им скучна. Если тоскуют, то уж так тоскуют, что небу тошно, а если веселятся, то тоже доходят до полной дури.

– Ну, а почему, если русы лучшие воины на свете, у них не получается создать великое государство, а какой-то непонятный каганат со многими князьями?

Бывалый воин только криво усмехнулся:

– Когда-то люди очень возгордились и стали строить башню до неба. Бог, чтобы помешать им, придумал всем племенам говорить на разных языках. У русов же наоборот, бог дал им один язык, но сказал, что понимать они друг друга будут только тогда, когда им будет грозить общая гибель. Вот и грызутся постоянно между собой, удивляя и себя и других то крайним великодушием, то несказанной злобой. Не спеша терпеливо наращивать свои силы – это не для русов. Им всегда надо все и сейчас, или не надо совсем. И к своим лучшим людям они относятся также: то превозносят их до небес, то втоптывают в самую глубокую грязь.

Дарник слушал и примеривал слова Быстряна на жизнь Бежети. Как у них там беспричинная сварливость друг к другу была общепринятой, как Смуга Лысый был в общем-то безобидным старостой, но все сравнивали его со Смугой Везучим и всячески злопыхали за его спиной, как во время большого лесного пожара все селище дружно вышло к своей Засеке рубить поперечную движению огня просеку и вовремя спасли себя. Даже про втоптывание лучших людей верно. Кроме Маланки, из женщин во всей Бежети могла читать только шептуха Верба, и ее тоже считали полупомешанной. Вот уж точно – не будь их с матерью изгнания из селища, никогда бы не обрел он своего характера и цели. Равнялся бы на всех и был как все.

Тесное пребывание на торговом судне сближало ватагу гораздо быстрее, чем путешествие по лесным тропам. Уже к вечеру оба хлыновца ничем не отличались от купеческих гребцов, так же шутили и смеялись, так же слушали и исполняли все команды. Вожак почти ни во что не вмешивался, охотники и Меченый с Бортем самостоятельно разбивали стан, ставили шалаш и ограждение, даже знали, чьи пары будут ночными сторожами. Дарнику оставалось только выбирать место для малого ристалища и проводить боевые занятия. Никто не возражал, на деле убедившись в полезности приобретенной ловкости. Раненые и те старались не отставать. Изменились лишь некоторые склонности: если прежде все предпочитали упражняться с мечами, то теперь больше хотели освоить лепестковое копьё.

Сам Дарник тоже не прочь был поучиться. Достав парные мечи, примеривался, стараясь вспомнить, как сражался ими в своем сне. Мечи были легкими и удобными, они будто сами просились опробовать себя в поединке. Быстрян, знакомый с этим оружием, показал, как именно нужно изогнутым крюком у рукояти захватывать и выбивать из рук противника любые мечи, клевцы и секиры.

Он вообще оказался неоценимым помощником, этот тридцатилетний гридь, умел читать, знал умножение и деление и охотно занял место Лузги по обучению ватажников словенской грамоте.

Ночью, когда укладывались спать, Черна зачем-то уснула Зорьку и задала Дарнику долго мучивший ее вопрос:

– А ты, правда, отдал бы меня лучшему воину из Хлына?

И такое в ее глазах было желание услышать приятный ответ, что он не решился сказать ей правду, заверил, что готов был уже в тот момент устроить хлыновцем ту резню, которую они получили на ладье. Черна с восторгом кинулась ему в объятия, а Дарник потом долго размышлял: почему женщины такие наивные и почему им так хочется слышать о себе одни хвалебные слова.

Новый день принес еще более приятное плаванье. Майское солнце уже прогрело воду, и путники несколько раз останавливались, чтобы просто искупаться. Но вожак и здесь не утратил свои военные замашки, приказав упражняться в плаванье с оружием.

– Ну вот! И сам не отдыхает, и нам не дает, – пожаловался один из гребцов, чем вызвал дружный смех остальных.

Все жестокое и кровавое было окончательно забыто, раненные шли на поправку, а сидячее пребывание в ладье, побуждало на остановках много и в охотку двигаться.

Если до сих пор окрестные места были дики и безлюдны, то сейчас все вокруг даже без присутствия людей говорило о том, что это край обжитой. Поваленные и сложенные рядами бревна, торфяные ямы, развешанные на деревьях борти, огороженные жердями поля и пастбища. Дважды без остановок проплывали мимо небольших селищ.

Когда чуть спал жар полуденного солнца, впереди показался широкий речной разлив, куда устремлялись воды реки, по которой они плыли.

– Это и есть Танаис, – объявил Быстрян.

Дарник ощутил легкое волнение: конец лесным пустошам, вот она главная торговая река Русского каганата. Еще пара верст, и будет пограничный град Перегуд.

Неожиданно Быстрян посоветовал ему пристать к берегу на ночевку:

– Лучше с утра пораньше и прямо на торжище.

Рыбья Кровь понял, что он чего-то не договаривает, и согласился, хотя другие ватажники не прочь были добраться побыстрее до города. Пока бойники разбивали стан, гридь отозвал его в сторону.

– Что ты собираешься в Перегуде делать? И что будут делать остальные?

Дарник удивился, как это можно знать заранее. Но если бравый вояка ожидал, что молодой вожак спросит у него совета, то он глубоко ошибался. Собрав хорошо поевших и отдохнувших ватажников, Рыбья Кровь обратился к ним с вопросом, хотят ли они остаться вольными бойниками или быть братством бойников, которые всегда заодно не только на ратном поле, но и в мирной жизни.

– А зачем ты нас спрашиваешь об этом? – удивились ватажники.

– А затем, что не хочу от вас удара в спину. Если хотите быть вольными, то тут мы с вами и расстанемся. Я пойду своей дорогой, а вы выберете себе другого вожака.

Такой поворот ошеломил ватажников, как нимало провели они с ним дней, но ни одной минуты не усомнились в его праве и умении командовать ими. Конечно, все захотели быть братством бойников, правда, некоторые попытались сперва узнать, что это такое. Дарник объ-

яснил. Недовольным остался лишь Кривонос – все добытое добро было отныне в общей казне. Но и он не посмел возражать и, когда пришла очередь давать клятву на мече, проговорил ее вместе со всеми. По этому случаю вожак даже разрешил открыть кувшин красного ромейского вина.

– Ну и ловкий же ты парень! – то ли похвалил, то ли упрекнул Дарника Быстрыан, когда за общим галдежом их собственных слов мало кому было слышно.

Дарник лишь усмехнулся: ловкий, так ловкий. Своей придумкой с братством он был доволен не менее, чем победой над негостеприимным Хлыном.

Ранним утром он собрал ватажников, чтобы наказать им в Перегуде держать язык за зубами – от этого теперь зависела их безопасность. Все оружие и доспехи были запрятаны поглубже под купеческими товарами, а раненые превратились в больных.

Еще один поворот реки и стал виден сам Перегуд: на высоком правом берегу ленточные крытые дубовые срубы с бойницами и трехъярусными башнями, а ниже у самой воды деревянная пристань с двумя десятками купеческих судов.

Едва их ладья пристала к пристани, как тут же объявились первые пронырливые торговцы с вопросом: чем торгуете?

– Седлами, – ответил Дарник, трогать купеческий товар или излишки оружия он пока не собирался.

Следом пожаловал сборщик пошлин в сопровождении четырех вооруженных гридей. Пришлось развязать купеческую шкатулку и выплатить им три дирхема. По два дирхема Дарник выдал и каждому из ватажников – потратьте по своему хотению.

Кривонос и Лисич со своими младшими остались сторожить ладью, остальные двинулись по деревянной лестнице на торжище.

На широком лугу ничем не огороженные стояли повозки, палатки, навесы, где торговали, ели, спали, веселились несколько сот человек. Никто не останавливал и не задавал дарникам ненужных вопросов и вскоре они разбрелись в разные стороны. С Дарником остался только Черна с Зорькой и Селезень.

Голова шла кругом от невиданного количества товаров, выставленных на обмен и продажу. Чего тут только не было: глиняная посуда и ткани, заморские благовония и фрукты, одежда и обувь, женские украшения и диковинные вещицы, о назначении которых приходилось только догадываться. Больше всего, впрочем, меняли привычное: овес на свеклу, пшеницу на пшено, мед на меха. Дарник хотел посмотреть оружие, оно тоже было здесь: дальнобойные степные луки, кривые мечи, железные булавы, всевозможные шлемы и доспехи. Но приценился он только к степному луку, такому же, какой был у кузнеца Вочилы, продавец потребовал за него целых двадцать дирхемов и хотя у Дарника деньги с собой были, он все же предпочел пока воздержаться от покупки.

На каждом шагу предлагали хмельной мед, жареное мясо, пироги и сладости. Торговцы и покупатели непрерывно пили и ели, чего наверняка в таких количествах не позволяли себе дома. После повседневной обыденности лесных селищ торжище являлось настоящим праздником, на котором хотелось все увидеть и попробовать. Черна с Зорькой не переставали ахать и восторгаться. Чтобы умерить их трескотню, Дарник купил им на целый дирхем сладостей, и они в самом деле на некоторое время замолчали.

Обойдя торжище, Дарник направился к городским воротам, которые охраняли два стражника, еще двое стояли немного в сторонке, а третью пару гридей видно было в глубине открытых ворот. Такое рассредоточение понравилось юному вожаку – удобнее было прийти на помощь первой паре сторожей.

Но в сам город их не пустили, стали спрашивать, куда и зачем им надо. Взбешенный таким приемом он, все же воздержался от необдуманных слов и вернулся на торжище, где торговля уже шла на убыль, и толпа зрителей валила на Вдовьи игрища. Один из перегудцев охотно

объяснил любопытному Селезню, что по местной традиции молодая красивая вдова должна провести ночь с лучшим из бойцов, дабы родить от него сына-богатыря. Такое грех было пропустить, и они тоже направились туда. Возле небольшого хорошо утоптанного ристалища на особом возвышении сидела обещанная вдова в пышной одежде, из-под прозрачной кисеи, свисавшей с головного убора на лицо, наблюдая за поединками претендентов. Окружающая толпа вовсю зубоскалила, стоят ли плохо видимые стати красотки, чтобы за нее сражаться.

Чтобы не допускать сильного кровопролития, поединщики сражались на особых мечах с надетыми ножнами и удлинненными рукоятками. Крови действительно не было, зато сколько угодно отбитых боков, рук и ног, к большому удовольствию зрителей. Когда Дарник со спутниками подошли, поединки уже были в самом разгаре, становясь все более ожесточенными: слабые выбывали, на их место становились более опытные бойцы. Принимали участие и пришлые поединщики, но местные, более привычные к такому оружию, быстро их побеждали. Среди зрителей были и подошедшие ватажники.

– А давай покажи им, – предложил один из хлыновцев Дарнику.

– Не хочу, – ответил он.

– А я попробую, – сказал Быстрян и вышел вперед.

С двумя противниками он сумел справиться, а вот третьего ему осилить не удалось. Победитель – плечистый детина с руками до самых колен довольно скалился.

– У нас есть боец получше меня, – объявил ему Быстрян, указывая на Дарника.

В высокой сухощавой фигуре бежецкого вожака никак не угадывался сильный поединщик.

– А у нас здесь не детские игры, – ухмыльнулся детина, вызвав общий смех.

– Ну что, будешь? – спросил у Дарника седовласый дед, распорядитель игрищ.

– Я не хочу омрачать убийством ваш праздник, – спокойно ответил Рыбья Кровь. – Любое оружие слишком хорошо меня слушается.

– Бой на мечах в ножнах еще ни разу не привел к смерти, – заметил распорядитель.

– Я же сказал, – скрытая сердитость Дарника еще больше усилилась.

– Я разрешаю тебе меня убить, – опять под смех зрителей заметил детина.

Отступать уже было порядочным бесчестьем. Дарник отдал свой нож Селезню, скинул безрукавку и взял в руки протянутый ему меч. Обычный двулезвийный меч и без того тяжелый, в ножнах весил в два раза больше. Долго сражаться им для Дарника было просто не по силам.

Противники заняли места друг против друга. Прозвучал удар булавы по медному блюду и в то же мгновение, пока детина заносил свой меч, Дарник прыгнул вперед и нанес сильный колющий удар в горло противника. Все было кончено. Детина как сломанное дерево, криво и неловко опустился на землю, два-три судорожных движения, потом изо рта хлынула кровь, и он затих. Ошеломленные зрители безмолствовали.

По знаку Быстряна ватажники окружили своего вожака. Но предосторожность были излишней – никто не собирался нападать на Дарника. Лишь, когда ватага двинулась к берегу, распорядитель им сделал знак остановиться.

За самим поединком все как-то забыли о награде – красавице-вдове. Детину унесли, и распорядитель трижды повторил вызов на новый поединок, но желающих меряться силами с Дарником после случившегося не нашлось. Ватажники весело перемигивались, радуясь предстоящему любовному подвигу своего предводителя. Дарник посмотрел на вдову, лица не рассматривал, зато увидел ее пухлые кисти рук – и сразу пожалел о своем выигрыше. То, что для другого было бы удовольствием, ему представилось ужасным навязыванием чужой воли. Но в голову совершенно не приходило, как можно выкрутиться.

Отделив Дарника от верной ватаги, седовласый дед повел его вслед за небольшой женской процессией к городским воротам. На этот раз никто не препятствовал его входу в город. Тесно стоявшие высокие дома с подклетьями и резными окнами заставили его на время забыть

о предстоящей участи. У некоторых из домов подклети были выложены из камней. В один из таких домов Дарника и ввели. Распорядитель тотчас ушел, появились две пожилых женщины, они провели Рыбью Кровь в маленькую комнату, где горел очаг и стояла огромная кадка с водой. Ему велели раздеваться и начали бросать в кадку из очага раскаленные камни. Из-за поднявшегося пара ничего не стало видно. Раздевшись, Дарник залез в кадку в горячую воду по самую шею – и, весь словно растворился в небывалом наслаждении. После омовения ему дали чистое белье и проводили в верхнюю комнату, где за накрытым столом его ждали разнообразные яства и напитки.

Все было похоже на одну из сказок, что читал вслух Лузга. Это мне в наказание за то, что я над ними смеялся, думал Дарник, а в спальне еще красавица превратится в уродливую старуху.

Пока он в одиночестве ел, не притрагиваясь к напиткам, мимо него в соседнюю комнату прошмыгнули пожилые женщины, что были с ним внизу. По шепоту за дверью он понял, что там находится спальня, в которой его ждет вдова с пухлыми кистями рук.

Вдруг в горницу вошел молодой мужчина в дорогом кафтане. Дарник вспомнил, что видел его на поединке, где тот выделялся своим мрачно-беспокойным поведением. Присев к столу на лавку, незнакомец пристально посмотрел на Дарника, после чего сказал, что готов заплатить, чтобы вместо него войти в спальню к вдове. Предложение пришлось как нельзя более кстати, и бежецкий вожак тут же назвал сумму в двадцать дирхемов. Мужчина вместо серебряных дирхемов отсчитал три золотых солида.

Затем появилась одна из женщин и после переговоров с мужчиной на неизвестном языке повела Дарника в другую маленькую чистую комнатку, где стоял узкий топчан с подушкой и пуховым одеялом. Закрыв дверь на задвижку, Дарник лег в постель и провалился в глубокий сладкий сон, чувствуя удовольствие не столько от происходящего с ним, сколько от временного перерыва в исполнении обязанностей вожака.

Под утро он пробудился от тихого говора за дверью. Прислушавшись, понял, что это прощается с вдовой мужчина в дорогом кафтане. С улыбкой поудивлялся их нежным словам и заснул снова. Второе пробуждение было менее приятным. На рассвете гонец привез в Перегуд известие о подвигах их ватаги в Хлыне и юного героя потребовал к себе городской воевода. Десятский с булавой и два гридя с мечами имели грозный вид. Выходя к ним, Рыбья Кровь мельком увидел во всей домашней красе и саму вдову со всеми ее мягкими формами, припухшими губами и бессонными тенями под глазами – оценил, но нисколько не пожалел о своем сделке накануне.

Воеводский дом соседствовал с большой гридницей. Как позже выяснилось весь гарнизон состоял из двухсот воинов, которые делились на четыре суточных полусотни, и сейчас на воеводском дворе происходила их утренняя смена: снимались и надевались доспехи, кто-то на ходу уже и подкреплялся мясом с хлебом. Но Дарнику не дали ничего, как следует рассмотреть, повели на второй ярус к воеводе.

Воевода, большой дородный мужчина с седыми вислыми усами, выслушав рассказ Дарника о событиях в Хлыне, глубоко задумался. Он уже знал и о поединке на Вдовьих игрищах, и даже об отклонении боевым вожаком своих ночных обязанностей. Перед ним стоял явно незаурядный отрок, который весьма умело управлял своей разношерстной ватагой. Судить его за поджог городища не хотелось – хлыновцы всегда вели себя вызывающе – хорошо, что нашелся кто-то достойно проучить их. В то же время то, что сойдет этому молодцу в Перегуде, непременно свернет ему шею там, на юге, в столице Короякского княжества. Зато здесь, на пограничье такой человек очень пригодился бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.